

Вопросы БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

1968

Вопросы БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

1968

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

В О П Р О С Ы БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издательство Саратовского университета

1968

СОДЕРЖАНИЕ

Н. П. Никитина. Из истории развития структуры советской вузовской библиотеки	3
Н. П. Никитина. Из истории развития сети библиотек в советском высшем учебном заведении	23
В. И. Любенко. Неопубликованный источник по истории пугачевского движения на Урале в фондах Научной библиотеки Саратовского университета	66
Л. К. Бурьян. Обзор печатных материалов по истории Саратовской ученой архивной комиссии	84
А. Г. Смирнов. По следам одного автографа	93
Ф. В. Гермашева. Четыре издания из коллекции западноевропейской печати XV—XVI веков в Научной библиотеке СГУ	97

Вопросы библиотековедения

Сборник статей

Редактор **И. А. Маврина**

Технический редактор **В. В. Зенин**, корректор **З. И. Шевченко**.

НГ91311. Сдано в набор 28.VIII. 1968 г. Подписано к печати 26.XI.1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 6,75. Уч.-изд. л. 7.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2094. Цена 28 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.

Н. П. НИКИТИНА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОЙ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Создание определенной системы в организации обслуживания читателей является одним из сложнейших вопросов в работе любой библиотеки. В основу каждой из принятых в настоящее время систем положено стремление возможно полнее удовлетворить запросы читателей, предоставить им лучшие возможности в использовании книжных фондов с учетом конкретных условий, в которых работают библиотеки¹.

Основной принцип в обслуживании — дифференцированный подход к разным категориям читателей — находит отражение в работе библиотек вузов, в том числе и в их структуре, в организационном построении отделов обслуживания в частности.

В крупнейших библиотеках СССР наиболее четко определились три принципа в организации обслуживания читателей: по типам и видам литературы, по категориям читателей, по отраслям знаний.

Все три принципа в организации обслуживания читателей используются вузовскими фундаментальными библиотеками в различных сочетаниях. В каждой библиотеке обслуживание строится на том или ином принципе, как главном, но дополняется и другими.

Дифференцированное обслуживание читателей в вузовских библиотеках в предвоенные годы находило свое выражение в развитии сети библиотек вуза. На протяжении всего своего развития вузовские библиотеки стремились к централизации руководства этой сетью со стороны фундаментальных библиотек.

В послевоенные годы централизация библиотечной работы усилилась, центр тяжести в обслуживании читателей-студентов все больше стал перемещаться в сторону фундаменталь-

¹ См.: Ю. В. Григорьев. Дифференцированное обслуживание читателей в научных библиотеках СССР. — Бюллетень ЮНЕСКО для библиотек, т. XII, № 11—12 (ноябрь — декабрь), 1958, стр. 310—313.

ных библиотек, в связи с чем дальнейшее развитие получили именно отделы, обслуживающие читателей и особенно читателей-студентов.

Дифференцированное обслуживание влияет на формы и методы работы с читателями, на организацию всей деятельности фундаментальных библиотек вузов, на их структуру. Ведущим принципом в построении отделов фундаментальных библиотек признан производственный, функциональный. Так же как и в других научных библиотеках, он пришел в библиотеках советской высшей школы на смену обособленным комплексным научным отделам. Современную структуру вузовских библиотек определяют специальные документы, такие, как «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения», «Примерная структура».

Однако эти документы являются только основой для выработки индивидуальной структуры каждой фундаментальной библиотеки, на создание которой влияют многие факторы и главным образом такие, как профиль и структура вуза и их изменения, наличие сети вспомогательных библиотек и их взаимоотношения с фундаментальной библиотекой; территориальное размещение вуза и его библиотек в городе; исторически сложившиеся традиции и многие другие причины. Структура фундаментальных библиотек не застывшая организационная форма, она продолжает развиваться и видоизменяться. Наибольшие изменения происходят в построении отделов обслуживания основной массы читателей вузовских библиотек—студентов. Изменяются организационные принципы, на основе которых создаются читальные залы, абонементы и другие отделы. Чтобы увидеть перспективы тех или иных принципов организации отделов в фундаментальных библиотеках, необходимо проследить историю развития современной структуры, развитие главных принципов организации обслуживания. Мы попытаемся это сделать в настоящей статье.

Современная структура фундаментальных библиотек сложилась в основных чертах к 1930 году. Именно к этому времени, после нескольких лет поисков наиболее четкой структурной формы, после попыток создания библиотек по отраслевому принципу, носившему тогда название «кабинетной системы», в результате борьбы против академизма фундаментальных библиотек, против книгохранилищного их уклона, был выдвинут функциональный принцип в организации работы научных и в том числе фундаментальных вузовских библиотек.

Мысль о необходимости выполнения одинаковых производственных операций и процессов в одних отделах высказал и осуществил в 20-х годах А. И. Калишевский при реорганизации работы библиотеки Московского университета, разработав примерную ее структуру. Его взгляды на основные принципы построения отделов в библиотеке нашли отражение в про-

грамме курсов подготовки академических библиотекарей института народного образования университета им. А. Л. Шанявского. А. И. Калишевский был одним из составителей этой программы. Он включил в программу в качестве одного из разделов «Организацию и строй академической библиотеки». Раскрывая тематику раздела, Калишевский дал составные части «строя» — структуры академической библиотеки, выделив ее главные части: книгохранилище, читальный зал, отдел выдачи книг (абонемент), каталоги, справочно-библиографический отдел, — то есть типичные отделы функциональной структуры. Но А. И. Калишевский сохранил и комплексные отделы (рукописей и старопечатных книг, картографии, иконографии, дублетов, кабинеты для ученых). Так на смену комплексным отраслевым научным отделам, выполняющим обособленно все процессы библиотечной работы, начиная от приобретения, инвентаризации литературы и заканчивая обслуживанием читателей, были предложены и общебиблиотечные отделы, организованные по принципу родственности выполняемых ими производственных функций.

Такие же отделы имелись в эти годы и в других университетских библиотеках. Например, в фундаментальной библиотеке Саратовского университета были собраны в особом кабинете рукописи, старопечатные книги, инкунабулы. В середине 20-х годов в этой библиотеке был организован красный уголок имени В. И. Ленина для демонстрации новейшей литературы по обществоведению. Но так же, как и в других вузах, в это время в Саратовском университете, кроме фундаментальной библиотеки, был ряд вспомогательных библиотек и некоторые из них обладали довольно большими фондами (до 10 тыс. томов), например кабинеты русской истории, русской филологии, общей истории, педагогики, социологии и другие¹.

Становление новой функциональной структуры характерно не только для библиотек высшей школы. В 20-е годы начали организовывать отделы в зависимости от производственных процессов крупнейшие публичные и научные библиотеки страны².

В одной из первых статей, посвященных поискам лучшей и наиболее целесообразной организации работы библиотек, отмечалось четыре принципа «приближения» книги к читателям, которые уже можно было встретить в библиотечной прак-

¹ См.: А. Лебедев. Академические библиотеки города Саратова. — В кн.: Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год. 1925, стр. 358—359.

² См.: История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина за 100 лет. (1862—1962). М., 1962, 279 стр.; История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., Лениздат, 1963, 435 стр.; История библиотек Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., «Наука», 1964, 599 стр.

тике: территориальный, библиографический, организационно-общественный и библиотечно-технический. В качестве примеров территориального приближения книги к читателям были названы отраслевые кабинеты в вузовских библиотеках: отдел марксизма в библиотеке Белорусского университета, кабинеты марксизма-ленинизма, украиноведения, просвещения — в Центральной учебной библиотеке Одессы, обслуживавшей в то время несколько вузов. В библиотеке Пермского университета — музыкальный и педагогический кабинеты, т. е. структурные подразделения.

Автор этой статьи Е. Ф. Проскурякова отмечала, что методы работы вузовских библиотек — тема, теоретически мало разработанная и недостаточно проверенная практикой, что необходимо ее специальное исследование¹.

И действительно, опыт вузовских библиотек тех лет имел свою специфику. Поиски лучшей структуры в связи с изменением методов преподавания в высшей школе, с введением лабораторного метода, вместо лекционного привели к реорганизации кабинетских и других вспомогательных библиотек и к реорганизации структуры фундаментальных библиотек. Это нашло отражение в одной из резолюций первой конференции научных библиотек, проходившей в 1924 году. Резолюция призвала широко развернуть работу с читателями, обслуживать их учебной литературой, оказывать читателям справочно-библиографическую помощь, помогать им в выработке техники чтения и умения использовать библиографию. А для реализации этих задач рекомендовалось все студенческие, факультетские, семинарские библиотеки «преобразовать в кабинеты, лаборатории или рабочие студенческие библиотеки, организованные в таком количестве, чтобы вместе с центральной академической библиотекой они были в состоянии обслуживать все студенчество вузов. Там, где таковых нет, необходимо их организовать немедленно»². Резолюция предлагала обеспечить каждый такой кабинет, лабораторию или студенческую рабочую библиотеку подбором важнейших учебных пособий в таком количестве экземпляров, которое было бы достаточно для удовлетворения потребностей всех студентов, обслуживаемых данной лабораторией, кабинетом. Было специально отмечено, что новые точки обслуживания — кабинеты и лаборатории — должны иметь специальные помещения, быть оборудованы и открыты для пользования с утра до позднего вечера, каждый кабинет-лаборатория «должен быть обеспечен необходимым

¹ См.: Е. Ф. Проскурякова. Методы работы с читателями научных библиотек. — В кн.: Библиотека. Сб. статей, М.—Л., 1927, стр. 16—26.

² Задачи академических и научных библиотек в связи с реформой методов преподавания в вузах. (Резолюция по докладу В. И. Чарнолуцкого и содокладу С. Н. Агриколянского). — В кн.: Труды первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926. стр. 224.

библиотечным персоналом»¹. Однако конференция признала необходимым все книжное имущество централизовать в основной библиотеке вуза, считать кабинеты и рабочие библиотеки частями академической библиотеки. Поэтому и обработкой и каталогами должны были, по мысли авторов резолюции, заниматься в основной библиотеке. В кабинетах должны были вестись тематические рекомендательные каталоги силами библиотеки, но при участии преподавателя-консультанта. Основная библиотека должна была работать в полном контакте с учебной частью, с кафедрами, собирать необходимые им пособия.

Резолюция выявила стремление лучших библиотек к организации студенческого актива; в ней была записана рекомендация включать представителей студенческих организаций в состав библиотечной комиссии (библиотечного совета), «чтобы координировать работу библиотеки и кабинетов со всей массой студентов». В программу вузов предлагалось ввести «внефакультетский курс «использование книги» — о правилах пользования библиотекой, составлении библиографий и культуре чтения.

В резолюции мало отражены политические задачи вузовских библиотек, однако в ней затрагивались вопросы массовой работы с читателями: рекомендовалось увязывать работу кабинетов, рабочих студенческих библиотек с клубной работой вуза, а фундаментальных библиотек — с «общественными библиотеками района».

Для фундаментальных библиотек важно было определить их место в складывавшейся системе советских библиотек. На это обращалось внимание и в уставах отдельных библиотек. Например, в «Уставе фундаментальной библиотеки Иркутского университета», утвержденном в 1929 году, было записано: «Фундаментальная библиотека Иркутского государственного университета, выполняя функции учено- и учебно-вспомогательного учреждения при университете, входит в сеть научных библиотек Наркомпроса наравне со всеми иными научными библиотеками»². Все подобные документы фиксировали принципы управления библиотекой, сложившиеся к концу 20-х годов в вузовских библиотеках. Но четкого положения о структуре в них нет. В «Уставе библиотеки Иркутского университета» упоминается, например, о том, что «фундаментальная библиотека состоит из основной библиотеки и медицинского отделения, являющегося филиалом фундаментальной библиотеки».

¹ Задачи академических и научных библиотек в связи с реформой методов преподавания в вузах. (Резолюция по докладу В. И. Чарнолуцкого и содокладу С. Н. Агриколянского).—В кн.: Труды первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926, стр. 224.

² Устав фундаментальной библиотеки Иркутского государственного университета и основные положения о взаимоотношениях учебных и кабинетных библиотек с фундаментальной. Иркутск, 1929, стр. 14.

Фактические данные за 1930 год, приведенные в «Справочнике по специальным библиотекам Москвы»¹, подготовленном институтом библиотековедения, позволяют судить о достаточно широком распространении функционального принципа в структуре библиотек высших учебных заведений Москвы.

В эти же годы функциональный принцип становится главенствующим и в библиотеках высших учебных заведений других городов страны. Например, библиотека Саратовского университета к 1926—1927 годам имела несколько функциональных отделов (отдел новых поступлений, который занимался комплектованием библиотеки; научный отдел, ведавший обработкой книг и каталогами; отдел выдачи книг) и два комплексных отдела — периодики и рукописей. Позднее были созданы отделы справочно-библиографический и книгохранения.

Функциональную структуру имели и новые, созданные в 30-е годы, библиотеки многих университетов и высших технических учебных заведений. В структуре большинства вузовских библиотек в чистом виде этот принцип по сути дела почти никогда не применяли, всегда имелись те или иные отделы на основе дополнительных признаков.

На развитие структуры фундаментальных библиотек высших учебных заведений несомненно оказало значительное влияние обобщение опыта организации работы таких библиотек, как, например, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР и библиотеки других научных учреждений.

Теоретической разработкой вопросов структуры занимался в эти годы институт библиотековедения. Непосредственное участие в организации широкого обсуждения библиотекарями этих вопросов принимала и библиотечная комиссия при секторе науки Народного Комиссариата просвещения РСФСР. В распоряжении библиотечной комиссии были достаточные фактические данные библиотечной практики, которые позволяли рекомендовать и распространять лучший опыт в организации работы библиотек.

Одной из первых теоретических работ о структуре научной библиотеки является работа В. А. Штейна, появившаяся в 1930 году вначале как доклад на одном из совещаний в Институте библиотековедения, а затем, по рекомендации института, опубликованная в виде статьи².

В. А. Штейн рассматривал структуру библиотеки с точки зрения научной организации труда библиотекарей. Рациональная организация работы библиотеки должна ускорить

¹ См.: Специальные библиотеки Москвы. Справочник. М.—Л., 1931, стр. 18—119.

² См.: В. А. Штейн. Структура Научной библиотеки.—«Библиотековедение и библиография», 1930, № 1—2, стр. 42—47.

подготовку фонда к использованию его читателями, сократить до минимума различные параллельные операции, способствовать выработке определенных трудовых навыков у библиотекарей. К такому выводу пришел В. А. Штейн, изучая опыт научных библиотек, организовавших отделы в соответствии с производственными циклами. В его статье дается не только обоснование функциональной структуры библиотеки, но и сама схема распределения работы по отделам, подотделам и другим частям.

В основу структуры научной библиотеки В. А. Штейн предлагает включить пять отделов: комплектования фондов, обработки книг, книгохранилище, отдел обслуживания и консультационно-библиографический отдел. Каждый из этих отделов состоит из нескольких подотделов или частей. Например, отдел комплектования состоит из двух частей: научно-библиографической и библиотечно-технической; научно-библиографическая — в свою очередь из русского и иностранного комплектования; библиотечно-техническая — из групп приема поступлений и обменного фонда. В каждой составной части выполняются вполне определенные функции. Сотрудникам научно-библиографической части отдела комплектования поручается учет *desiderat*, отказов, составление списков на приобретение литературы, отбор нужной библиотеке литературы.

Работники двух подразделений (приема поступлений, обменного фонда) библиотечно-технической части отдела комплектования выполняют другие функции. Группа приема поступлений занимается расстановкой, технической разборкой, документацией поступлений, осуществляет предварительный просмотр по каталогам, штемпелевание, работу с печатной карточкой, передачу книг по назначению. Группа обменного фонда ведет описание этого фонда, составляет на него списки, ведет обменные операции, хранит обменный фонд, документирует исключения из фонда, ведет упаковку — подготовку к отправке литературы в обмен.

В. А. Штейн объединяет в отдел обработки книг три части: каталогизацию, систематизацию, каталоги. Два первых подотдела имеют свои подразделения. Каталогизация делится на две группы по видам печати (книги и периодику), в которых должны вестись описание и регистрация их. Систематизация подразделяется на 3 части: классификацию, предметизацию и каталоги. В первой должны разрабатываться классификационные схемы, во второй — предметные рубрики. В функции сотрудников третьего подотдела В. А. Штейн включил дублирование и шифровку карточек, расстановку их в каталоги, представление авторского знака, оформление каталога.

Книгохранилище как самостоятельный отдел имеет подразделения по видам печати (книги, журналы, газеты и т. д.) Однако у всех, кто работает в этом отделе, сходные функции:

наблюдение за сохранностью фонда, поддержание книгохранилища в надлежащем порядке, соблюдение противопожарных мер, сдача в переплет и ремонт книг, контроль за их движением, операции по выдаче и приему литературы, расстановка новых поступлений из отдела обработки, расстановка возврата, систематическая ревизия книжного имущества. Отдел обслуживания в структуре В. А. Штейна объединяет общий читальный зал, справочный зал, выставку, абонемент, МБА, кабинеты для научной работы. Читальный зал имеет подручную и подсобную библиотеки. Функции его сотрудников: регистрация читателей, хранение подсобных фондов, комплектование и чистка их, борьба за сохранность книг. Обязанности работников справочного зала: комплектование, хранение и чистка фонда, выдача справок читателям, разыскание литературы по каталогу, межбиблиотечный обмен справками.

В выставочном зале как части отдела обслуживания должны были демонстрироваться текущие политические и эпизодические выставки. Сходны с современными функции сотрудников абонементов.

Консультационно-библиографический отдел В. А. Штейн подразделял на два подотдела: в первом должны составляться библиографические списки по запросам, вестись и храниться картотеки по ним, обслуживаться другие отделы библиотеки консультациями, во втором — составляться библиографические указатели, рекомендательные списки.

В функции сотрудников всех отделов и их подразделений В. А. Штейн включил: учет нагрузки сотрудников и регистрацию статистических данных, разработку инструкций и методик. Он считал, что три отдела должны иметь в своей структуре совещания типа методических объединений: отдел обработки — совещание по каталогам и классификации, отдел обслуживания — по методике работы с читателями, по охране книг; консультационно-библиографический отдел — совещание по библиографии. Управление библиотекой должно осуществляться заведующим библиотекой и библиотечным советом. При заведующем — два вспомогательных подразделения: секретариат и хозяйственная часть.

Мы считаем достоинством работы В. А. Штейна выдвижение на первое место отдела обслуживания как показателя деятельности всех отделов, как центра всей библиотечной работы. Совершенно правильным было выделение в структуре библиотеки выставки новых поступлений на правах читального зала. Оправдались выводы В. А. Штейна о создании отделов на основе развития прежних и появления новых функций в библиотечном деле. Например, усиление информационных, методических функций в деятельности библиотек обусловило концентрацию этих видов работы в специальных отделах.

В. А. Штейн указывал и на отрицательные стороны функциональной структуры. Главным недостатком он считал ограничение специализации библиотекарей определенным рабочим процессом, превращение их в специалистов очень узкого профиля. Преодоление этого недостатка В. А. Штейн видел в перемещении работников через определенные промежутки времени с одних операций на другие, переводе из отдела в отдел. Действительно, взаимозаменяемость сотрудников в одном отделе и между отделами способствовала повышению квалификации библиотекарей, сохраняя при этом все преимущества специализации в работе.

Работа В. А. Штейна имеет и сейчас большое значение как одно из первых теоретических исследований и обобщение достижений практики советских научных библиотек в организации работы.

Функциональный принцип для структуры библиотеки был, безусловно, большим шагом именно в научной организации труда библиотекарей, так как он позволил сгруппировать выполнение одинаковых операций на одном участке, установить последовательность рабочих процессов, объединить эти процессы в циклы, закрепить выполнение работы за определенными сотрудниками. Специализация работников, закрепленных за функциональными отделами, значительно повышала производительность труда, ускоряла выполнение единообразных видов работы, создавала основу для механизации их. Однако увлечение функциональным разделением труда в библиотеках привело к излишней дробности структуры, к неправомерному закреплению библиотекарей за каждым видом работы, усложнило взаимоотношения между отделами.

Переломным в работе вузовских библиотек был 1934 год. Библиотечные работники говорили уже о ликвидации типичной «функционалки». В крупных научных библиотеках были объединены отделы обслуживания и книгохранения. Шло укрепление отделов и руководства ими. В 1934 году была изменена структура фундаментальной библиотеки МГУ. Реорганизованы были и библиотеки высших технических учебных заведений. В 1935 году И. А. Месеняшин, обобщив опыт библиотек Ленинградских вузов, предлагал вместо сети самостоятельных, независимых или почти независимых друг от друга библиотек в одном учебном заведении создать единую по структуре, фондам и управлению библиотеку¹.

Опыт Научной библиотеки МГУ, методическое руководство опорных библиотек, принадлежавших ведомствам (например, Народному комиссариату тяжелой промышленности), способствовали объединению и созданию единых вузовских библио-

¹ См.: И. А. Месеняшин. Библиотеки учебных заведений на новом этапе.— В кн.: На новом этапе. Из опыта работы библиотек тяжелой промышленности. Л., 1936, стр. 49—57.

тек с двумя подразделениями — научными и учебными. Например, в 1936 году все фонды сети инженерной академии, состоявшей из фундаментальной, учебной, факультетских, лабораторных и клубной библиотек, были объединены в единый фонд и организованы две библиотеки: фундаментальная и учебная. Фундаментальная библиотека обслуживала профессоров, преподавателей и дипломников, а также удовлетворяла индивидуальные запросы читателей, интересующихся политической и художественной литературой¹; учебная предназначалась студентам. Главная ее функция — распределение учебных пособий.

Вопросы структуры библиотеки, организации отделов обслуживания в эти годы продолжают изучаться библиотечными работниками, находят отражение в учебных планах различных курсов повышения квалификации библиотекарей, организованных ведомствами. В 1935 году ГНБ совместно с Московским институтом повышения квалификации ИТР «для обеспечения учебной документацией библиотечных работников, обучающихся на курсах ГУУЗа и ГНБ в Москве и на периферии» разработали «Программу по специальным дисциплинам библиотечного филиала». В ней была предусмотрена специальная тема «Библиотека втуза», в которой рассматривались организация работы персонала библиотеки, организация обслуживания читателей, структура вуза и структура вузовской библиотеки.

К концу 30-х годов структура головной вузовской библиотеки принципиально определилась. Но типовой структуры не давали еще ни «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения», утвержденное в 1938 году, ни положения о втузовских библиотеках, разработанные различными ведомствами для сети своих библиотек.

«Положение о Научной библиотеке имени А. М. Горького при Московском государственном университете» 1939 года не только определяло задачи, содержание и формы работы, но и давало ее структуру. В нем предусматривалось шесть функциональных отделов в структуре головной библиотеки: комплектования, обработки книг и каталогов, книгохранения, обслуживания, научно-библиографический, административно-хозяйственный (объединявший дирекцию, канцелярию и переплетную).

Для руководства сетью библиотек университета учреждался особый Ученый совет библиотеки, включающий в свой состав представителей научной библиотеки и заведующих учебными, институтскими и прочими библиотеками.

Положение о Научной библиотеке МГУ (1939 года) отражало правильный взгляд на структуру фундаментальных биб-

¹ См.: В. Архангельский. 135 лет библиотеке инженерной академии. — «Библиотекарь», 1935, № 8, стр. 40—45.

лиотек, как исторически сложившуюся (с учетом объективных условий) и имеющую тенденцию видоизменяться в зависимости от задач, объема работы, от размера фондов. Так же рассматривалась структура вузовской библиотеки и в программах библиотечных учебных заведений в 1939—1940 годах.

Главной функцией вузовских библиотек в этот период считалось обслуживание учебного процесса. И. М. Фрумин писал о том, что отличительными чертами учебных библиотек как особого типа являются: обслуживание учащихся и учащихся; обслуживание научных запросов кафедр, предметных комиссий, педагогических совещаний¹.

Эти особенности обуславливают организацию обслуживания читателей и всю структуру (вузовской) библиотеки: организацию двух фондов — фундаментального и учебного; научное обслуживание педагогов и массовую работу с учащимися; обслуживание в самом учебном заведении, филиалах, в общежитиях.

Именно так рассматривали вопрос о структуре библиотек высшей школы и в программах библиотечных институтов, где был специальный раздел — «Организация работы (учебной) вузовской библиотеки»². Следовательно, употребление термина «учебная» в качестве синонима вузовской отвечало определению всех библиотек высших учебных заведений как «учебных» в классификации советских библиотек.

К началу 40-х годов для организации подразделений в структуре вузовской библиотеки наиболее характерным был принцип цели, назначения. Отсюда первое разделение на две части (научную и учебную), в которых образовывались отделы на основе функционального принципа.

Во время Великой Отечественной войны вузовские библиотеки, как и все другие научные учреждения, перестроили свою работу в соответствии с потребностями военного времени. Произошли изменения и в структуре. Сократилось число отделов, они объединились по принципу родственных функций, особенно отделы, выполнявшие работу по подготовке фондов для использования читателями. Объединились читальные залы, сократилось число абонементов. Научные библиотеки вузов выполняли роль публичных и отраслевых научных библиотек и обслуживали, кроме контингента учащихся и преподавателей своих вузов, специалистов заводов, научных учреждений, госпиталей.

¹ См.: И. М. Фрумин. Типы и виды советских библиотек. К вопросу о классификации советских библиотек.— В кн.: Труды Московского гос. библиотечного института. М., 1939. стр. 75.

² См.: Программа курса «История и организация библиотечного дела».— В кн.: Программы по специальным дисциплинам на 1939/40 учебный год. Вып. I, М., 1939, стр. 90—94.

Во многих вузах учебные библиотеки были включены в состав научных. Восстановление вузовских библиотек в районах, освобожденных от варварского нашествия фашистов, шло по линии воссоздания их учебных и научных фондов в рамках одной, единой библиотеки. Важную роль в подъеме их работы, в восстановлении структуры сыграло повышение заработной платы библиотечным работникам¹. Благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства вузовские библиотеки еще до победного окончания Великой Отечественной войны смогли укрепить свои штаты новыми кадрами, улучшить организацию работы.

Восстанавливая фонды, они одновременно решали, какой должна быть их структура. Вопросы структуры изучались и в тех библиотеках, которые не пострадали от гитлеровского разграбления, но в военные годы свернули и сократили многие отделы (из-за экономии средств). Решению этой проблемы помогло новое «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения», утвержденное в 1945 году². В новое «Положение» (по сравнению с таким же документом 1938 года) были внесены дополнения и изменения. «Положение» 1945 года указывало задачи и содержание работы библиотек высшей школы и давало типовую структуру трех видов.

Библиотека со структурой I группы должна была состоять из двух отделов: отдела комплектования и обработки фондов и отдела обслуживания, которые организовывались на основе двух функций. Библиотеки со структурой второй группы сохраняли эти же отделы, но включали еще и отдел обслуживания учебной литературой. Таким образом, в структуре библиотеки намечался отдел не на основе функционального принципа, а в зависимости от характера литературы и целей ее использования. Этот принцип получил еще большее развитие в структуре третьей группы, где предполагалось два ряда отделов: отдел научной литературы (со своими читальными залами, книгохранением, абонементом) и отдел учебной литературы со специальными студенческими читальными залами, абонементами и филиалами. Структура каждого из этих отделов основывается на функциональном разделении труда. Например, в отделе обслуживания научной литературой три сектора: абонемент, читальные залы, книгохранение. У каждого из секторов свой участок работы, свои функции, но более узкие, чем функции всего отдела обслуживания.

¹ См.: О повышении заработной платы работникам массовых и школьных библиотек при высших и средних учебных заведениях, государственных публичных и научных библиотек. Постановление СНК СССР № 1114 от 16 августа 1944 г.— В кн.: Сборник руководящих материалов по библиотечной работе. М., 1947, стр. 95.

² См.: Высшая школа. Сборник постановлений. М., 1947, стр. 174—176.

Известное влияние на «Типовое положение» 1945 года оказала структура Научной библиотеки МГУ. Директор этой библиотеки А. И. Кудрявцева, как и руководители других крупных университетских библиотек (например, Саратовского, Томского, Иркутского университетов), принимала активное участие в дальнейшем изучении вопросов структуры в связи с организацией обслуживания читателей.

Проблему структуры разрабатывали в эти годы и крупнейшие универсальные библиотеки страны: они изучали отечественный и зарубежный опыт. Работники крупнейших университетских библиотек были знакомы с этими исследованиями по докладам, с которыми в 1944 и в 1946 годах выступали сотрудники Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина на научных сессиях и совещаниях. Интересным исследованием принципов, на которых может быть основана структура крупной библиотеки, являются работы одного из известных советских библиотековедов Л. В. Трофимова «Некоторые проблемы структуры крупных американских библиотек» и «Отраслевая структура в американской публичной библиотеке». Хотя Л. В. Трофимов оговаривается, что его доклады носят информационный характер, эти работы содержат важные теоретические положения, учитывающие опыт советских библиотек.

Задачи, стоящие перед каждым типом библиотек, и категории читателей, обслуживаемых библиотекой, предопределяют профиль комплектования, содержание работы библиотек. Л. В. Трофимов предлагает специальный термин «структурные показатели» (то есть признаки, которые берутся за основу для создания отделов библиотеки). Так как термин не привился в советской библиотековедческой литературе, в дальнейшем изложении мы заменим его уже принятым нами обозначением того же понятия — принципом. Перечислив семь принципов, на которых основаны структуры американских библиотек: производственная функция; способ пользования библиотечными материалами; категория читателей; обслуживаемая территория; категория учреждений, обслуживаемых библиотекой; отрасль науки; вид материала, с которым работает библиотека, — Л. В. Трофимов добавляет два других: язык книги и источник поступления (например, обязательный экземпляр). На основе опыта советских библиотек Л. В. Трофимов приходит к выводу, что важнейшими принципами для структуры являются: функция (вид работы), категория читателей, отрасль знаний и вид материала.

Исследований, подобных работам Л. В. Трофимова, в советской библиотековедческой литературе того времени мало, поэтому мы считали себя вправе остановиться несколько подробнее на некоторых вопросах, затронутых в его докладах и

оказавших, как мы считаем, влияние на последующую разработку структуры публичных и вузовских библиотек. Эти доклады были хорошо известны и автору статей о структуре университетских библиотек А. И. Кудрявцевой, опубликованных в 1947 году¹, в которых нашел отражение опыт крупнейших университетских библиотек Советского Союза и некоторых зарубежных университетских библиотек.

Статьи интересны тем, что поставленная проблема рассматривалась в них в историческом плане. Предложенная примерная структура фундаментальной библиотеки соответствовала структуре, сложившейся в предшествующие годы: предполагалось выделить пятнадцать отделов, которые в свою очередь подразделялись на секторы. Предлагалось создать отделы для работы с различными видами печатной продукции, по виду материала (картографии, микрофильмов рукописей и редких книг). Выделялись в самостоятельные отделы обменный фонд и спецфонд. Отдел обслуживания должен был состоять из двух секторов (индивидуального и коллективного) и системы читальных залов (по отраслевому принципу, типу литературы и по группам читателей). Выделен отдел массовой работы. А. И. Кудрявцева признает целесообразным для ведения методической и научной работы создать еще два отдела: отдел сети (методический центр для всех библиотек университета), и кабинет библиотечковедения.

Выдвигая такую структуру фундаментальной библиотеки, А. И. Кудрявцева высказывала традиционную для специалистов Научной библиотеки Московского университета точку зрения относительно категорий читателей, которые надлежит ей обслуживать. Эту точку зрения поддерживали участники совещания директоров университетских библиотек (в 1948 году), на котором А. И. Кудрявцева выступала с докладом о структуре университетских библиотек. В резолюции совещания было записано, что фундаментальная библиотека обслуживает профессоров, преподавателей, аспирантов, студентов старших курсов и членов студенческих научных обществ, а не всех студентов без различия курсов (лет обучения). Такое решение было вызвано необходимостью улучшить обслуживание научных работников. При наличии факультетских библиотек студенты не лишались необходимых им книг и других изданий. Но само ограничение доступа студентов младших курсов в научные, фундаментальные, библиотеки в практике работы никогда не проводилось пунктуально: в читальные залы могли обращаться все студенты, нуждавшиеся в научной литературе.

¹ См.: А. И. Кудрявцева. Структура университетских библиотек.— «Библиотекарь», 1947, № 9, стр. 25—31; Е е ж е. 190-летие библиотеки Московского университета.— Вестник высшей школы, 1947, № 2, стр. 43—48.

В 1951 году А. И. Кудрявцева снова опубликовала статью, в которой уделила главное внимание вопросам структуры¹. В основу этой статьи был положен доклад на Ломоносовских чтениях «Некоторое обоснование организационной структуры и принципов комплектования библиотек в новом здании Московского университета», обобщивший результаты трехлетней разработки этой проблемы в Научной библиотеке МГУ². А. И. Кудрявцева писала о том, что новая библиотека МГУ будет отличаться по структуре от обычных университетских библиотек тем, что старые факультетские, кафедральные и другие библиотеки будут заменены научными отраслевыми библиотеками, расположенными на факультетах. Эти новые библиотеки, собирающие в своих фондах научную литературу, должны способствовать более глубокому знакомству студентов с изучаемыми дисциплинами, приблизить книгу к научным работникам.

Территориальную разобщенность библиотеки А. И. Кудрявцева считала возможным преодолеть путем централизованного управления, комплектования и обработки фондов. Для обеспечения студентов учебниками предполагалось создать новые библиотеки учебных пособий и библиотеки при общежитиях.

Новая библиотека МГУ начала свою работу 1 сентября 1953 года. В результате реорганизации структуры и создания новых фондов для факультетов естественного профиля в МГУ к 1955 году по сути было две научных библиотеки, имевших отличия в построении отделов, в организации фондов. В библиотеке на Ленинских горах не было единого книгохранения. Общее хранилище в центральном здании имели три отраслевых отдела: геологии, механики и математики, географии. В главном здании университета размещались центральный абонемент, абонемент массовой литературы для рабочих и служащих, читальный зал технической литературы для инженерного состава, библиотека художественной литературы для студентов и библиотеки учебных пособий. В отраслевых библиотеках (отделах) на факультетах имелись абонементы, читальные залы для студентов, аспирантов и профессоров, с подсобными фондами и самостоятельными, нецентрализованными книгохранилищами.

В старом здании университета были организованы отраслевые библиотеки гуманитарных факультетов (истории, филологии, философии, права, экономики, журналистики), два межотраслевых читальных зала для студентов на 500 мест каждый

¹ См.: А. И. Кудрявцева. Библиотека в новом здании Московского университета.— «Библиотекарь», 1951, № 4, стр. 40—43.

² См.: И. В. Федоров. В Научной библиотеке им. А. М. Горького.— Вестник Московского университета. Серия физ.-математ. и естественных наук, вып. 5, 1951, № 8, стр. 163—164.

и по одному читальному залу для научных работников. В фундаментальной библиотеке на Моховой улице — абонемент профессоров и преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов для всех факультетов.

Первые итоги работы Научной библиотеки Московского университета после коренной перестройки ее структуры были обобщены в печати в 1955 году. В этот год головная вузовская библиотека отмечала 200-ю годовщину со дня своего основания. В статьях, посвященных этому знаменательному событию, говорилось не только об историческом пути, пройденном библиотекой МГУ, но и ее современном состоянии, о структуре, о преимуществах новой системы библиотечно-библиографического обслуживания читателей. В это время в Научной библиотеке МГУ было 45 читальных залов на 1900 мест, из них для студентов—1625 мест¹. Характерно, что новые структурные подразделения (вместо факультетских библиотек) именовались в статьях не отраслевыми отделами, а отраслевыми библиотеками. Отмечая преимущества новой системы, авторы статей указывали и на некоторые, не решенные к тому времени задачи: разобщенность отделов, параллелизм в комплектовании, в каталогизации.

Изменения в структуре Научной библиотеки МГУ влияли на постановку вопросов структуры и в других университетских и вузовских библиотеках. В начале 50-х годов в структуре большей части библиотек еще не было единого отдела обслуживания, а были самостоятельные абонемент, читальный зал, или залы, МБА². Вузовские библиотеки стремились шире развернуть эти отделы, чтобы полнее удовлетворить возросшие научные и учебные запросы своих читателей. В этот же период приступили к новой реорганизации структуры и другие университетские библиотеки. Осуществляла централизацию сети с сохранением децентрализованных фондов и обслуживания Научная библиотека Ленинградского университета, имевшая большие научные факультетские библиотеки. Перестраивала структуру обслуживания Научная библиотека Казанского университета. В Научной библиотеке Саратовского университета перестройка и расширение отделов, обслуживающих читателей, началось еще в 1946 году. В то время был создан студенческий читальный зал естественно-научного профиля, воссозданы библиотеки учебных пособий, расширился отдел пе-

¹ См.: Е. В. Спирина. Организация обслуживания читателей в новом здании МГУ.— «Библиотекарь», 1955, № 7, стр. 26—29; е е же. 200-летие библиотеки Московского университета.— «Библиотекарь», 1955, № 5, стр. 28—35; С. К. Виленская. 200 лет Научной библиотеки им. Горького.— Вестник высшей школы, 1955, № 3, стр. 49—54 и другие.

² См. например: М. Р. Филимонов. Памятка читателю Научной библиотеки при Томском государственном университете имени В. В. Куйбышева, Томск, 1956, 24 стр.

риодики. Отделы библиотеки размещались в разных корпусах университета. Директор библиотеки В. А. Артисевич в докладах на научных конференциях, на совещаниях в 40—50 годах выступала за единую централизованную библиотеку, построенную на основе функционального принципа. Именно функциональные отделы составляли ядро в структуре библиотеки, разработанной В. А. Артисевич для нового здания еще до начала его строительства. Поэтому Научная библиотека Саратовского университета не нуждалась в коренной перестройке структуры при переходе в новое здание. Дифференцированное обслуживание читателей в Научной библиотеке осуществлялось на основе трех принципов: читательского назначения, по отрасли знания, по видам изданий.

Эти же три принципа отмечал в организации обслуживания читателей в библиотеках ленинградских вузов А. П. Селигерский, обобщивший их опыт в организации фондов и каталогов¹. А. П. Селигерский признал рациональным разделение фонда на научный и многоэкземплярный (так он предложил называть учебный фонд). Такое разделение фонда в библиотеках высшей школы сложилось исторически, оно действительно позволяет лучше обеспечивать учебный процесс, является одним из факторов развития структуры вузовской библиотеки. Замена термина, предложенного А. П. Селигерским, не получила распространения в практике работы, на наш взгляд, по той причине, что прежний термин более четко определяет целевое назначение этой части фонда. А. П. Селигерский, выдвигая свое предложение о замене термина, основывался на том, что студенты используют не только учебники, а и научные издания, которые по этой причине приобретаются в вузовские библиотеки в большем количестве экземпляров, чем в других научных библиотеках. В связи с привлечением студентов к самостоятельной научной работе, начиная с первого-второго курса, создается спрос на научные издания, необходимые в исследовательской работе.

Единство учебного процесса и научно-исследовательской деятельности, характерное для высшей школы, оказывало непосредственное влияние и на организацию работы вузовских библиотек, на их структуру. Библиотеки высшей школы стремились строить свою работу так, чтобы лучше помогать вузам готовить кадры специалистов для народного хозяйства. Решения XX съезда КПСС потребовали от них усиления идейно-воспитательной работы среди студентов; развития новых форм организации обслуживания, большей заботы о своих книжных фондах.

¹ См.: А. П. Селигерский. О рациональной системе организации фондов вузовских библиотек.— Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. IV. Л., 1958, стр. 141—152.

XXI съезд КПСС, знаменовавший вступление Советского Союза в новый период — период строительства коммунизма в нашей стране, — поставил перед библиотеками высшей школы задачу активного участия в создании материально-технической базы и в воспитании молодых специалистов гражданами коммунистического общества. Большое значение имело постановление ЦК КПСС от 22 сентября 1959 года «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране». Вузовские библиотеки получили свои методические центры — Научную библиотеку МГУ и Центральную научно-методическую библиотечную комиссию Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В эти же годы начала складываться и региональная система методического руководства. Методические материалы, документы инструктивного характера, разрабатываемые этими центрами, помогали библиотекам высшей школы совершенствовать свою структуру, улучшать свою деятельность.

Многие университетские библиотеки во главе с Научной библиотекой МГУ включились в исследование актуальных проблем библиотековедения¹.

Значительную перестройку работы провели библиотеки вузов в связи с постановлением Партии и Правительства о высшем образовании в стране. Перестройка касалась и вопросов структуры, так как увеличивалось число читателей в библиотеках за счет студентов заочных и вечерних отделений.

Вопросы организации обслуживания читателей исследуются в этот период и в публичных библиотеках. Централизованная библиотека с дифференцированным обслуживанием читателей по отрасли знания, по групповому принципу, по видам литературы — вот характерное решение проблемы организации читальных залов в крупнейших библиотеках страны².

Большое значение для теории и практики вузовских библиотек по вопросам их структуры, как отмечают советские и зарубежные библиотековеды, имеет исследование Т. П. Пышновой³. Изучив опыт советских и зарубежных библиотек, Т. П. Пышнова определила главные факторы, влияющие на организацию сети библиотек в университете, на внутреннюю

¹ См. напр.: С. К. Виленская. Университетские библиотеки СССР и их место в системе советских библиотек.—Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 12, 1959, стр. 56—75.

² См., например: Ф. С. Абрикосова. Развитие дифференцированного обслуживания читателей в Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина в послевоенный период.—Труды, т. 1. М., 1957, стр. 3—74; ее же. Организация обслуживания читателей—научных работников и специалистов в крупной универсальной библиотеке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. М., 1959, 27 стр. (Моск. гос. библиотечн. ин-т).

³ См.: Т. П. Пышнова. К вопросу о структуре университетских библиотек.—Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 21, 1962, стр. 34—47.

структуру научной, фундаментальной библиотеки: это прежде всего структура самого университета, количество и состав фонда, расположение помещений. Отметив различия, имеющиеся в структурах университетских библиотек, построенных на основе единого функционального принципа, Т. П. Пышнова высказалась за введение единообразия внутренней организации научной библиотеки, за составление типовой структуры.¹ Ее работа, опубликованная в 1962 году, была теоретической базой для нового «Типового положения о библиотеке высшего учебного заведения», утвержденного в том же году, и «Примерной структуры» для отдельных типов библиотек¹, в которых намечены перспективы дальнейшей организации работы в библиотеках вузов всех основных видов — от крупнейших университетских до библиотек небольших отраслевых вузов.

Внутренней организации вузовских библиотек, взаимозависимости и взаимосвязи отдельных библиотечных процессов, циклов, рациональной организации различных операций с целью ликвидации параллелизма уделяется большое внимание и в зарубежных библиотеках, что отмечено многими советскими библиотековедами, изучавшими постановку библиотечного дела в различных странах². Об этом же свидетельствует одна из работ болгарского библиотековеда З. Дафинова, опубликованная в переводе М. Б. Набатовой на русском языке в 1968 году³.

Новые задачи, поставленные перед работниками промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры XXIII съездом КПСС, потребовали и от вузовских библиотек улучшения организации труда, чтобы сделать его более производительным. Именно поэтому совершенствование структуры библиотеки, исследование принципов ее построения продолжают до сих пор оставаться одними из актуальных проблем библиотечной теории и практики.

¹ См.: Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения.— В кн.: Высшая школа. Сб. основных постановлений, приказов и инструкций. Ч. I. М., 1965, стр. 242—243; Примерная структура для отдельных типов библиотек.— Там же стр. 244, 245, и ч. II, стр. 63—65.

² См.: В. А. Артисевич. Библиотеки Чехословакии.— В кн.: Материалы научной библиотечной конференции, посвященной 50-летию юбилею Саратовского университета. (24—27 сентября 1959 г.). Саратов. 1960, стр. 129—151; ее же. По библиотекам Швеции и Италии.— «Советская библиография», 1962, № 2, стр. 118—125; ее же. Библиотеки высших учебных заведений (Западной Европы).— «Библиотековедение и библиография за рубежом», вып. II, 1963, стр. 115—126; В. Л. Бирзович, С. К. Виленская и Э. И. Лесохина. Университетские библиотеки Великобритании.— «Библиотековедение и библиография за рубежом», вып. 10, 1962, стр. 107—162; И. Ю. Багрова, Л. М. Владимиров и Н. Ф. Гаврилов. Библиотеки США.— «Библиотековедение и библиография за рубежом», вып. II, 1963, стр. 69—108 и другие.

³ См.: З. Дафинов. Некоторые вопросы организации и деятельности вузовских библиотек.— «Библиотековедение и библиография за рубежом», вып. 24, 1968, стр. 22—43.

Совершенствование структуры идет за счет реорганизации сети библиотек в вузе, за счет ее централизации и объединения кабинетских библиотек в отраслевые отделы, за счет развития отделов, непосредственно обслуживающих читателей, особенно читателей-студентов. В одних библиотеках получает большее применение групповой принцип, то есть обслуживание определенных групп читателей, объединенных по образовательному признаку, по цели их занятий в библиотеке. Так, одни отделы предназначены для преподавателей и аспирантов, другие — для студентов. Для университетских библиотек и библиотек многоотраслевых вузов более характерен отраслевой принцип в обслуживании. Так же как в универсальных и технических публичных библиотеках, в вузовских библиотеках широко распространены отделы комплексного характера, ведущие библиотечное, библиографическое и информационное обслуживание различными видами изданий: спецвидами технической литературы, нотами, периодическими изданиями, редкими и рукописными книгами, различными видами изобразительной продукции. Некоторые виды изданий в вузах специального профиля являются основной литературой (например, ноты в музыкальных, высших учебных заведениях).

У библиотечников нет единства во взглядах на то, какой из названных принципов можно считать наиболее целесообразным. Неодинаково, например, оценивается правомерность выделения самостоятельных отделов по различным видам литературы. Так, Т. П. Пышнова возражает против организации в университетских библиотеках отделов периодики, а З. Дафинов считает, что они вполне себя оправдывают, только обязанностью их сотрудников должны ограничиваться комплектованием и обработкой журналов, продолжающихся изданий и газет, необходимых для всех факультетов. В наших библиотеках это комплексные отделы, ведущие библиотечное, библиографическое и информационное обслуживание читателей.

Функциональная структура сохраняет свое значение в библиотеках высшей школы как выражение идеи централизации библиотечной работы в вузе. Наличие сети библиотек и децентрализация отделов обслуживания (на основе тех или иных принципов) составляют вторую характерную черту их внутренней организации, зависящей от многих факторов, среди которых главным остается состав читателей.

Вопросы структуры привлекают внимание библиотечников всех стран, и при весьма различных точках зрения на этот вопрос большинство из них приходит к выводу о целесообразности дальнейшей дифференциации обслуживания читателей и централизации руководства сетью библиотек вуза научной библиотекой.

Н. П. НИКИТИНА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СЕТИ БИБЛИОТЕК В СОВЕТСКОМ ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Революционные преобразования высшей школы, новые советские принципы постановки библиотечного дела в стране изменили организацию работы всех видов библиотек высшего учебного заведения. После Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменились задачи и содержание их работы.

В трудах советских библиотековедов по истории библиотечного дела в СССР, в статьях, касающихся истории отдельных библиотек, организации их фондов и других вопросов их деятельности, нашли отражение взаимоотношения сети библиотек в вузе¹.

Наличие сети библиотек в одном высшем учебном заведении—явление, характерное не только для нашей страны. Взаимоотношения фундаментальных и факультетских библиотек с библиотеками кафедр и кабинетов изучаются библиотековедами социалистических стран и библиотечными деятелями других стран².

В зарубежном библиотековедении сформулированы два возможных принципа организации сети библиотек в высшем учебном заведении (на основе централизации и децентрализации). Они определяют собой и всю систему обслуживания читателей, организацию фондов и каталогов, расстановку кадров, влияют на архитектуру и строительство библиотечных зда-

¹ См., например: В. Е. Васильченко. История библиотечного дела в СССР. Учебник для библиотечных институтов. Под ред. Е. В. Сеглин. М., «Сов. Россия», 1958, 216 стр. (Моск. гос. библиотечн. ин-т); В. А. Артисевич. История Научной библиотеки Саратовского университета.—Труды Научной библиотеки СГУ, вып. I, 1959, стр. 3—36. (Учен. записки Сарат. ун-та); С. К. Виленская. Университетские библиотеки СССР.—Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 2, 1959, стр. 56—73.

² См.: В. А. Артисевич. Библиотеки высших учебных заведений. [В библиотеках Западной Европы].—В сб.: «Библиотековедение и библиография за рубежом», вып. II, 1936, стр. 115—126.

ний, т. е. на всю постановку библиотечного дела в высшей школе.

Деятельность всех видов библиотек в вузе до некоторой степени регламентировалась типовыми уставами и положениями. Так, «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения», утвержденное 17 апреля 1962 года, возлагает на фундаментальную библиотеку руководство всеми другими библиотеками своего учебного заведения. В нем записано: «Библиотека осуществляет руководство и контроль за работой библиотек научно-исследовательских учреждений этого вуза, факультетов, кабинетов, лабораторий, студенческих общежитий данного высшего учебного заведения, а также передвижек этих библиотек»¹.

Таким образом, «Типовое положение» констатирует наличие сети библиотек в каждом вузе, определяет взаимосвязь этих библиотек и руководящую роль основной библиотеки, не называя ее ни главной, ни фундаментальной, ни центральной, как нередко именуются такие библиотеки в конкретных вузах.

«Типовое положение» 1962 года не содержит указаний о формах руководства этой сетью библиотек. В практике руководящие функции выполняются фундаментальными библиотеками различно. Одни—централизованно комплектуют, обрабатывают, каталогизируют фонды всех библиотек своего вуза. Другие—контролируют расходы на комплектование фондов каждой библиотеки, оказывают методическую помощь (в учете, каталогизации и других видах библиотечной работы), организуют библиотечно-библиографическую подготовку работников кафедральных и кабинетских библиотек.

Причина такого различия—в исторических условиях развития библиотек², в традициях, сложившихся в каждом вузе, во взглядах на задачи и роль каждого вида библиотек в учебном заведении не только библиотечных работников, но и преподавателей высшей школы.

В этой статье мы попытаемся проследить развитие взглядов в советском библиотековедении на организацию сети библиотек в вузе, на задачи и содержание их работы, на взаимоотношения с фундаментальной библиотекой, на организацию обслуживания читателей, а также рассмотреть, как реализовались эти теоретические предпосылки в практике работы вузовских библиотек в 1918—1966 годах.

¹ См.: Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения.—Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 1962, № 5 (май), стр. 1.

² См.: Н. П. Никитина. Из истории возникновения и развития сети библиотек в высшем учебном заведении.—Труды Научной библиотеки СГУ, вып. 3. Саратов, Изд. Сарат. ун-та, 1964, стр. 41—73.

Сеть библиотек высшего учебного заведения в 1917—1920 годах

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался новый этап в истории высшей школы и библиотечного дела нашей страны¹. Высшая школа, библиотека, как и все народное образование, стали действительно демократическими, доступными для широких народных масс. «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого—просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием»²,—говорил В. И. Ленин.

Чтобы поставить науку и технику на службу народу, надо было обладать высококвалифицированными кадрами, преданными делу революции. И с первых дней Советской власти перед Коммунистической партией и Советским государством встала задача огромной важности: реорганизация высшей школы, демократизация ее, подготовка специалистов из детей рабочих и крестьян, из тех, кто при царизме почти не имел доступа к высшему образованию.

Для проведения необходимых мер в первые же месяцы Советской власти было централизовано руководство высшей школой; она стала государственной. Все высшие учебные заведения были переданы в феврале 1918 года в ведение Народного комиссариата просвещения РСФСР, который руководил и библиотечным делом в стране. Началась подготовка реформы высшего образования.

Но в высшей школе лишь небольшая часть профессоров, лаборантов, библиотечных работников и других младших служащих приветствовала Советскую власть, поддерживала мероприятия, направленные на демократизацию высшего образования. Большая часть профессуры занимала выжидательную позицию, нередко совершенно не понимала происходящих в стране революционных перемен. Реакционно настроенная верхушка некоторых гуманитарных факультетов (особенно юридических) и технических вузов открыто не признавала Советской власти, поддерживала кадетов и прочие правые партии и явно и скрыто боролась против всего нового, против всех изменений в высшей школе.

В. И. Ленин в речи на Втором совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 24 января 1919 года говорил: «В нашей школе осталось много учителей, воспитанных в старых условиях, что соз-

¹ См.: К. И. Абрамов. Первые мероприятия Советской власти в области библиотечного дела.— «Библиотеки СССР», вып. 36. М., 1967, с. 14—34.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

дает затруднения при переходе от капиталистического строя к социализму. Как это ни странно, мы встречаем упорное сопротивление среди людей, обладающих знанием»¹.

Почти до середины 1918 года высшая школа жила без особых перемен в научной, учебной и хозяйственной деятельности, и библиотеки высших учебных заведений в организационном отношении оставались также без изменений. Лишь 2 августа 1918 года был издан один из первых декретов Советского правительства «О правилах приема в высшие учебные заведения». Этот декрет открывал двери высшей школы для всех желающих учиться, в том числе и женщинам. Однако реализовать этот декрет в условиях, сложившихся к этому времени в высшей школе, было делом чрезвычайно трудным. Еще сильны были позиции реакционной части профессорско-преподавательского состава, а среди студентов слишком мало было представителей трудящихся. В руках профессуры были лаборатории, кабинеты, академические библиотеки (так в то время назывались библиотеки высших учебных заведений) и особенно библиотеки кафедр, семинариев, находившиеся в непосредственном их ведении. Надо было сломить сопротивление реакционно настроенной профессуры и предоставить не только право на обучение, а и фактические возможности учиться в высшей школе огромному количеству желающих.

6 августа 1918 года было издано еще одно постановление, по которому университеты со всеми библиотеками, читальными залами и кабинетами объявлялись открытыми в течение всего учебного года для каждого желающего учиться. Чтобы предупредить саботаж, Отдел высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР особым постановлением обязал немедленно удовлетворить все просьбы учащихся о предоставлении им рабочих мест в библиотеках и обеспечении учебной литературой. Лица, не выполнявшие постановление, привлекались к судебной ответственности².

Среди библиотечных работников в высшей школе также не было единства. Одни шли на поводу у старой профессуры, и против их саботажа было направлено постановление Наркомпроса. Другие не участвовали в открытой борьбе с мероприятиями Советской власти, даже приветствовали некоторые постановления, например «Декрет об охране библиотек и книгохранилищ», но говорили, что они «вне политики», что «их дело — книжные фонды».

Лучшая часть библиотекарей одобрительно встретила декреты и приняла активное участие в реформе академических библиотек. М. Н. Покровский вспоминал впоследствии: «Я пом-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 463.

² См.: В. В. Украинцев. КПСС — организатор революционных преобразований высшей школы. М., «Высшая школа», 1963, стр. 45.

ню первое совещание академических библиотекарей в РСФСР и могу с гордостью заявить, что библиотекари почувствовали первые отсталость старого строя и пошли к нам навстречу. Они почувствовали, насколько революция тяготеет к книге, и почувствовали, что надо стать на новую точку зрения, при которой библиотекари являются не только хранителями книги, но и первыми просветительными работниками, необходимыми, как связующее звено пролетариата с книгой...»¹

Коммунистическая партия даже в годы гражданской войны и иностранной интервенции продолжала реорганизацию высшей школы, боролась против кастовости старой школы, отстаивала необходимость участия коммунистов в управлении высшей школой. В 1919 году были созданы факультеты общественных наук для подготовки специалистов по истории рабочего движения, политической экономии, истории Коммунистической партии, марксистской философии. В первые же годы Советской власти были открыты новые высшие учебные заведения. Так, в честь годовщины Октябрьской революции были открыты новые университеты в Нижнем Новгороде, Иркутске, Воронеже, Тбилиси и других городах. Создавались новые политехнические, сельскохозяйственные, медицинские и педагогические институты.

Были открыты новые учебные заведения—комвузы. При них немедленно открывались библиотеки, работники которых стремились внести новые методы и организационные принципы во всю работу и особенно в обслуживание читателей.

Программа Коммунистической партии, принятая VIII съездом РКП(б), утвердила основные принципы организации высшего образования в стране. Высшая школа отныне принадлежала пролетарскому государству. В нее был открыт широкий доступ для всех желающих учиться и в первую очередь для рабочих и крестьян. К преподаванию в вузах привлекались свежие научные силы. Одной из мер, которая давала фактическую возможность пролетариату и крестьянству получить высшее образование, было открытие дверей академических библиотек для всех студентов без каких-либо ограничений, имевших место на протяжении всей истории существования библиотек высших учебных заведений.

В трудных условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи особое значение приобретало использование тех книжных богатств, которые имелись в стране. Именно об этом говорил В. И. Ленин в приветственной речи участникам Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию: «Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые по-

¹ М. Н. Покровский. Вступительная речь на первом библиотечном съезде РСФСР 1 июля 1924 года.— В кн.: Ленин о библиотечном деле. М., Госполитиздат, 1960, стр. 167.

могли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию»¹.

Все новые библиотеки высшей школы комплектовались главным образом за счет перераспределения книжных фондов различных учреждений и организаций, ликвидированных революцией, и из частных коллекций, реквизованных у крупной буржуазии и помещиков. Например, библиотека Саратовской консерватории получила богатую нотную библиотеку из имения бывшего князя Львова; библиотека Саратовского сельскохозяйственного института—часть библиотеки Саратовского сельскохозяйственного общества и т. д.

К 1919/20 учебному году в стране насчитывалось 204 высших учебных заведения. В связи с ростом сети учебных заведений росло и количество библиотек высшей школы: фундаментальных, факультетских, семинарских и других.

Возросшее количество вузовских библиотек, быстрое увеличение их фондов, необходимость лучшего использования этих фондов читателями, новые условия, в которых должна была развертываться работа библиотек, требовали перестройки библиотечного дела в высших учебных заведениях.

Построение сети библиотек в вузе, распределение и охрана книжных фондов, организация работы с читателями и другие проблемы широко обсуждались на специальных совещаниях, проведенных Народным комиссариатом просвещения, его библиотечным отделом в 1918—1919 годах. Из информации, помещенных в «Библиотечном обозрении», и других печатных органах тех лет видно, что вопросы сети библиотек занимали много места в повестках дня этих совещаний.

На совещаниях особо отмечалась необходимость использования теоретических основ библиотечного дела, разработанных еще в докладах Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу в 1911 году и не реализованных в библиотечной работе в царской России. Было отмечено, что новый политический строй создает объективные возможности для развития библиотечного дела на научных основах.

Эту задачу и должен был в какой-то степени решить съезд по реформе академических библиотек, созванный 22 октября 1919 года при активном участии вузовских библиотек Москвы и Ленинграда. Особенно деятельное участие в подготовке и работе съезда принимала фундаментальная библиотека Московского университета, в здании которой проходили заседания. Директор этой библиотеки А. И. Калишевский был одним из основных докладчиков. Всего в работе съезда участвовало 57 делегатов. Помимо библиотекарей Москвы и Петрограда, присутствовали представители от вузовских библиотек других го-

¹ В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 38, стр. 332.

родов страны. Съезд выработал типовые документы, определявшие структуру фундаментальных библиотек, построение сети библиотек одного учебного заведения, правила пользования этими библиотеками¹.

Большие споры вызвал на съезде вопрос об автономии фундаментальных библиотек, поставленный приверженцами аполитичности библиотечного дела. Рассматривался он в двух планах (независимость от политики и государства в рамках университета и полная независимость от университета). Заметное влияние на взгляды по организации работы библиотек высшей школы оказывал и опыт западно-европейских стран, с которым библиотекари России знакомились в основном до первой мировой войны. «Автономность» университетов Германии, Норвегии стала щитом для тех, кто ратовал за отделение высшей школы от политики, стремился поставить ее вне влияния Советского государства. Реакционная часть библиотекарей продолжала эту линию и провозглашала необходимость отделения библиотек и от самих учебных заведений.

Более правильную позицию занял А. И. Калишевский. Он поддержал стремление к самостоятельности библиотеки в сфере своей внутренней жизни: это ей позволило бы быть более независимой в вопросах комплектования (рассматривать списки книг, составленных профессорами только как рекомендательные, а не как обязательные), в расходовании средств по смете, обмена книгами и т. д. Но Калишевский считает необходимым сохранить связь с учебным заведением: «Внутренняя естественная связь с университетом остается, и удовлетворение научных потребностей университета по-прежнему будет составлять главную задачу библиотеки; но необходимо устранить те канцелярские рогатки, которые только мешают библиотеке выполнять свою задачу более успешно»².

Съезд показал, что даже передовые библиотечные работники высших учебных заведений недостаточно четко представляли себе основные задачи библиотек высшей школы. Они в известной степени были еще в плену у тех положений, которые выработал библиотечный съезд в 1911 году.

Вторая проблема, остро поставленная на съезде,—библиотеки семинариев, классные, факультетские и их взаимоотношения с фундаментальной библиотекой высшего учебного заведения. По этому вопросу материал готовил Комитет государственных библиотек в Петрограде. Комитет составил «Тезисы по

¹ См.: Устав академических библиотек, выработанный на съезде по реформе академических библиотек (Москва, 22—26 сентября 1919 года) и согласованный с замечаниями Государственного ученого совета.—«Библиотечное обозрение», 1920, кн. 2, стр. 227—231; Правила пользования академическими библиотеками и читальными залами.—Там же, стр. 231—234.

² А. Калишевский. К вопросу о реформе академических библиотек.—«Библиотечное обозрение», 1919, кн. 1, стр. 54.

реформе академических библиотек». В них нашли отражение взгляды группы библиотечных деятелей Петрограда, наиболее полно изложенные А. Э. Нольде в специальной статье о семинарских библиотеках—одной из первых работ, посвященных вспомогательным библиотекам, обслуживающим студентов¹.

Чтобы обосновать свою точку зрения на взаимоотношения библиотек в учебном заведении, А. Э. Нольде прослеживает в своей статье историю библиотек кабинетов, семинариев и кафедр. Он высказывает совершенно правильное суждение о том, что создание этих библиотек в 70-х годах XIX века было связано с усовершенствованием методов университетского преподавания, с введением практических, семинарских занятий (откуда получили свое название и библиотеки) в высших учебных заведениях России.

Несомненным достоинством работы Нольде является мысль о необходимости отраслевой организации библиотек, которая способствовала бы лучшему обслуживанию учебных и научных нужд вузов. Правильно отмечена Нольде и роль библиотек кабинетов гуманитарных факультетов. Но, выступая за отраслевую (кабинетскую) организацию библиотек в высшем учебном заведении, Нольде ратовал и за самостоятельные независимые семинарские библиотеки. Фактически он отрицал значение фундаментальных библиотек, которые считал громоздкими, мало доступными читателям-студентам, а поэтому и не достигающими своей цели в высшем учебном заведении.

Передачу семинарских и других библиотек высшего учебного заведения в ведение профессоров и кафедр А. Э. Нольде обосновывал необходимостью руководства самостоятельной работой студентов со стороны преподавателей: руководить занятиями студентов лучше всего могли специалисты определенных отраслей знания, а поэтому подчинение семинарских и других вспомогательных библиотек непосредственно кафедрам более всего соответствует духу университетского и вообще высшего образования.

Учитывая обстановку в высшей школе в 1919—1920 годах, нельзя не заметить определенной политической позиции автора этой работы, хотя явно она нигде и не выявляется. Это продолжение линии «библиотека и наука—вне политики». Следовательно, стремление обособить библиотеки семинариев и кафедр от фундаментальных библиотек было политически ошибочным.

Но и в профессиональном отношении передача библиотек в ведение кафедр вела к ослаблению работы этих библиотек. Обязанности библиотекарей выполнялись по совместительству сотрудниками кафедр, у которых не было ни знаний библиотечного дела, ни свободного времени. Кроме того, руководства

¹ См.: А. Э. Нольде. К вопросу о семинарских библиотеках Петроградских университетов. — «Библиотечное обозрение», 1920, кн. 2, стр. 62—67.

самостоятельными занятиями студентов практически не могло быть, так как за литературой в эти библиотеки мало обращались: настолько неудовлетворительной была их работа.

Статья А. Э. Нольде отражала взгляды не столько библиотечной общественности, сколько суждения руководителей кафедр, профессоров. И хотя она опубликована после съезда, именно в ней можно найти объяснение тому факту, что съезд высказался за обособление библиотек семинариев, кафедр, лабораторий от фундаментальной библиотеки как принадлежащих непосредственно кафедрам и связанных с фундаментальной библиотекой только в библиотечной технике, через сводный каталог.

Съезд принял решение распределить фонды факультетских библиотек среди других вспомогательных (музейных, кафедральных) или отдать фундаментальной библиотеке. Объяснялось это тем, что при организации факультетских библиотек обеднялись соответствующие систематические отделы фундаментальных библиотек, которые они в сущности не заменяли. Фундаментальные библиотеки обязывались обслуживать нужды всех факультетов.

Основные решения съезда по реформе академических библиотек имели много точек соприкосновения с документами и резолюциями Первого Всероссийского съезда библиотекарей в 1911 году, хотя, несомненно, докладчики пытались пересмотреть некоторые положения в связи с изменениями в государственном строе страны.

Решения съезда по реформе академических библиотек нашли широкий отклик в специальной библиотековедческой литературе того времени и в крупных библиотеках Москвы, Петрограда и других городов. Наибольшие споры вновь вызвали вспомогательные (как их тогда называли) библиотеки кафедр, семинариев и т. д.

Внимание к семинарским учебным (классным) библиотекам на съезде и в последующие годы объясняется тем, что именно эти библиотеки вели основную работу по обеспечению учебного процесса и обслуживанию читателей-студентов.

Военная разруха, экономические трудности, громадные пополнения фондов фундаментальных библиотек (особенно старых университетских) национализированной литературой, которая не могла быть обработана и освоена в короткие сроки, создали весьма ощутимые дополнительные трудности в использовании богатств этих библиотек читателями. Для приведения в порядок фондов и создания каталогов не было достаточных средств. Поэтому освоение фондов фундаментальных библиотек продвигалось весьма медленно и библиотеки были малооперативными.

Семинарские библиотеки и библиотеки при кафедрах не были единственными типами вспомогательных библиотек в выс-

ших учебных заведениях. Как уже отмечалось выше, еще в до-революционное время, помимо фундаментальных библиотек, учебные заведения имели библиотеки студенческие, классные (учебные) и т. п. Библиотеки классные—это библиотеки учебных пособий. Вопрос о таких библиотеках или о делении фонда фундаментальных библиотек на основной и учебный (много-экземплярный)—проблема, которая остается спорной и в настоящее время—весьма оживленно дебатировался в начале 20-х годов. Наиболее четкую позицию в отношении классных библиотек занимал Б. П. Гущин. Ему принадлежит статья, содержащая интересные исторические и фактические сведения¹. Гущин считал, что наличие учебных библиотек было особенно желательно и благотворно для фундаментальных библиотек на первых порах, так как это разделение способствовало развитию научных функций фундаментальной библиотеки, а специфически учебные нужды студентов могли бы помешать комплектованию научных фондов, создали бы дополнительную рабочую нагрузку для библиотекаря.

Однако выступая за разграничение функций по обслуживанию читателей между фундаментальной и учебной библиотеками, Гущин не может не отметить бедности библиотек учебных пособий и признает, что задачи свои они выполняли весьма неудовлетворительно. Автор правильно устанавливает основные причины такой отсталой постановки дела (скудность бюджета; передача этих библиотек совершенно неподготовленным лицам; бессистемность комплектования их фондов; накопление неиспользуемой литературы из-за того, что комплектованием занимался профессорско-преподавательский состав и всякая смена руководителей кафедр приводила к смене научных интересов и взглядов, к переменам в направлении, в профиле комплектования библиотек). Правильно устанавливая причины такого положения, Гущин считает, что залогом действительного удовлетворения запросов читателей является улучшение постановки работы в библиотеках учебных пособий: иначе фундаментальные библиотеки вынуждены будут выполнять и функции учебных библиотек, обеспечивая студентов учебной литературой в ущерб работе с научной книгой и журналами. Поэтому Гущин отстаивал необходимость организации в стенах одного учебного заведения двух основных типов академических библиотек: фундаментальной и учебной (как филиала), координирующих свою работу. Для этого он рекомендовал подчинить заведующего учебной библиотекой главному библиотекарю фундаментальной библиотеки.

Дальнейшее развитие библиотек высших учебных заведений показало, что в основном Гущин был прав, отстаивая разделе-

¹ См.: Б. Гущин. К вопросу об учебных (классных) библиотеках высших технических учебных заведений.— «Библиотечное обозрение», 1920, кн. 2, стр. 79—82.

ние учебно-вспомогательной и научно-вспомогательной функций библиотек.

Несмотря на пристальное внимание, которое уделялось в докладах съезда и специальных статьях вспомогательным библиотекам высшего учебного заведения, типы их определены были недостаточно четко. Термином «учебная» (классная) библиотека еще до 1917 года пользовались иногда и для обозначения студенческих библиотек, и для обозначения библиотек учебных заведений. Но они не были равнозначными, так как не отражали одного и того же понятия. Студенческими библиотеками до революции чаще принято было называть библиотеки, созданные на средства самих студентов на кооперативных началах. Учебными (классными) называли филиалы или отделы библиотек фундаментальных, созданные на средства учебного заведения. Студенческие библиотеки чаще всего были универсальными по фонду, предназначались только для студентов. Фонды «учебных библиотек», как правило, состояли из учебных пособий, выдававшихся не только студентам, но и учебно-вспомогательному составу и преподавателям данного учебного заведения.

В условиях гражданской войны и в первые годы восстановления народного хозяйства проведение в жизнь многих положений, выдвинутых и одобренных съездом по реформе академических библиотек, встречало трудности не только экономического характера. Препятствием являлись и противоположные взгляды на организацию сети библиотек одного вуза, на структуру каждой отдельной библиотеки этой сети, на их взаимоотношения, контингент читателей и т. д. Только идея о координации работы библиотек внутри одного учебного заведения получила единодушное признание, но она еще искала своего организационного воплощения.

Аполитичность некоторой части библиотекарей проявлялась и в решении вопроса о работе академических библиотек с читателями-студентами. Среди библиотечных работников находили одобрение взгляды о своеобразном пути научных библиотек, который они видели в «обслуживании науки», а не в культурно-просветительной и тем более не в политико-просветительной работе. Находились библиотекари, требующие ограничить доступ студентов в фундаментальные библиотеки. Их особенно пугала демократизация студенческого состава, при этом они приводили в основном два довода: первый—истинно научные книги недоступны по содержанию малоподготовленному читателю (а такими они считали всю студенческую массу, особенно тех, кто приходил с рабфаков); второй—новые студенты—малокультурные люди (они могут только расхитить богатые фонды или из-за неумения пользоваться книгой испортить ценные издания). Поэтому так настойчиво их стремление переложить всю работу по обслуживанию студентов литерату-

рой на специальные библиотеки (учебные, семинарские и лабораторные).

Но основная масса библиотекарей шла в ногу с жизнью нашей страны, хотя далеко еще не все были по-настоящему политически сознательны, последовательны и достаточно подготовлены, чтобы правильно строить свою работу с читателями в соответствии с задачами, поставленными перед всеми библиотеками Коммунистической партией.

Организация обслуживания читателей и вопросы сети библиотек высшего учебного заведения в 1921—1928 годах

Революционные преобразования высшей школы, начатые в первые годы Советской власти, продолжались и в последующий период. К началу восстановительного периода были еще очень сильны позиции старой буржуазной профессуры. «...Почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»¹,—писал В. И. Ленин.

Надо было политически завоевать высшую школу, изменить социальный состав студентов, пресечь враждебную деятельность старой профессуры, привлечь на сторону Советской власти специалистов, еще ищущих своих путей в революции,—все это надо было сделать в очень короткие сроки, чтобы оперативно готовить новые советские кадры интеллигенции, преданной делу Коммунистической партии.

Еще в годы гражданской войны Коммунистическая партия стремилась укрепить руководство высшими учебными заведениями, для чего в вузах создавались коммунистические ячейки. В 1920 году за подписью В. И. Ленина вышло специальное постановление Совета Народных комиссаров РСФСР «О высших технических учебных заведениях», которое устанавливало тесную связь учебного процесса с производительным трудом. По этому постановлению рабочие получали преимущество при поступлении в вузы, что очень содействовало изменению социального состава учащихся, пролетаризировало высшую техническую школу. В связи с новыми контингентами студентов и стремлением к преодолению старых методов преподавания шли поиски нового в организации всей работы в высшей школе, что должно было отразиться и на деятельности вузовских библиотек.

Окончание гражданской войны, восстановление народного хозяйства, начавшийся экономический подъем, а с ним и улуч-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 52.

шение снабжения библиотек литературой в результате развития книгоиздательской деятельности, приток новых читателей требовали усиления роли всех библиотек, в том числе и академических, в массовой коммунистической агитации и пропаганде. Старые кадры надо было перевоспитать, довести до их сознания политические задачи, стоящие перед всей страной. С этой целью создавались курсы по переподготовке специалистов, проводились совещания и съезды библиотечных работников на местах, организовывались библиотечные методические объединения.

В июле 1924 года в Москве был созван Первый библиотечный съезд РСФСР, имевший особенно важное значение для усиления политико-просветительной деятельности библиотек всех типов¹.

Программа секции научных библиотек включала в себя вопросы книгообмена, комплектования фондов, управления библиотеками. Особое место занимало обсуждение общественных задач научных библиотек и их связи с библиотеками массового пользования.

Так как работа библиотек высших учебных заведений на съезде почти не рассматривалась, представители этих библиотек провели в дни съезда специальное совещание, где обсуждался вопрос о созыве отдельной конференции работников научных библиотек, на котором предполагалось решить организационные вопросы.

В 1924 году многие библиотеки высших учебных заведений не только закончили в основном разбор и расстановку фондов, полученных в послереволюционные годы, но и накопили опыт в организации обслуживания двух основных групп читателей — студентов и преподавателей.

Советская высшая школа претерпела к этому времени ряд весьма существенных преобразований, которые не могли не отразиться на работе библиотек при университетах, институтах и других учебных заведениях. Одним из самых существенных новшеств в жизни высшей школы было создание рабочих факультетов в 1922 году. Пересматривались методы преподавания, что находило отражение в библиотечной работе.

Теория об отмирании лекционной системы преподавания, господство в высшей школе лабораторного метода (Дальтон-плана) и метода проектов нашли поддержку и в библиотечном мире. В лабораторном методе преподавания видели исключительные возможности для самостоятельности и творчества самой учащейся молодежи, сводя роль педагога только к роли консультанта, воспитывающего у студентов навыки к приобретению знаний. Защитники этой теории в библиотечном деле

¹ См.: Е. А. Горш. Массовая работа советских библиотек в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). — Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 33. М., 1966, стр. 3—15.

считали необходимым перестроить всю работу по обслуживанию, сделав упор на лабораторию. «Библиотечная работа при лабораторном плане предполагает не только установление органически согласованной работы библиотеки лаборатории, но и требует обязательной ломки и в организационных формах библиотечной работы»¹.

Сторонники новых принципов организации библиотек считали необходимым создавать специальные рабочие библиотеки при каждом факультете или отделении вуза². Основная задача рабочих библиотек—обслуживание данного студенческого коллектива минимальным подбором учебных пособий и помощь в использовании этих пособий. Снова повторяется предложение о том, чтобы работу библиотечного характера выполняли профессора, которые во время своего дежурства руководили бы студентами в их самостоятельных занятиях. Сами преподаватели находили обременительными такие длительные дежурства профессоров в лабораториях-библиотеках. Эти библиотеки, по их мнению, должны были работать по принципу самоуправления и самообслуживания, а преподаватели были бы только консультантами в определенные часы, каждый по своей отрасли знания. Но все библиотекари считали необходимой полнейшую согласованность работы библиотеки с профессорами. Объединение библиотечной работы с педагогическим процессом позволяло лучше изучать читателей, самим библиотекарям вести исследовательскую работу, улучшало вообще постановку библиотечного дела в вузе, в частности облегчало составление предметных и систематических каталогов и т. п.

Организация специальных библиотек при лабораториях в большинстве случаев преследовала цель—дать студентам учебные пособия. Вся работа по обеспечению студентов и преподавателей научной литературой возлагалась на фундаментальную библиотеку.

Защитники кабинетской системы говорили, что только такая система обеспечит истинно научную постановку комплектования, обработки, каталогизации, лучшие условия для читателей. Противники этой системы видели в ней явную тенденцию к обособлению филиалов, тем более что на практике часто такие кабинеты быстро добивались самостоятельности, забирали всю литературу по своей отрасли, но в силу плохой постанов-

¹ См.: С. Н. Агриколянский. Библиотечная работа и лабораторный метод.— В кн.: Труды Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926, стр. 121.

² См.: В. И. Чернолусский. Задачи академических и научных библиотек в связи с реформой методов преподавания в вузах.— В кн.: Труды Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926, стр. 118—119.

ки библиотечного дела не могли создать лучших условий не только студентам, но и научным работникам.

Можно считать, что кабинетская система—это первые попытки организации библиотеки по отраслевому принципу. Достоинства такой структуры из-за недостатка средств были неощутимы. Отсутствие разработанных положений, методических и других руководств приводило к параллелизму во всей работе библиотек, а иногда и к потере книжных фондов из-за неправильной их организации.

В конце 1924 года была созвана Первая конференция научных библиотек. Как доклады на этой конференции, так и дискуссии по ним отразили состояние библиотечного дела тех лет (о чем говорилось выше). Тем не менее доклады и выступления содержали ряд рациональных положений, которые не изжили себя и до настоящего времени, например идея централизации библиотечного дела в пределах одного вуза. Основой этой системы признана работа фундаментальной библиотеки, которая должна руководить всей сетью библиотек своего вуза. По вопросу осуществления связи фундаментальной библиотеки с другими библиотеками (кабинетскими, учебными, рабочими, лабораторными) среди различных мнений весьма реальным было предложение об организации при фундаментальной библиотеке совета, состоящего из заведующих всеми этими библиотеками.

Правильно отмечалось также, что в тех высших учебных заведениях, где количество студентов насчитывает несколько тысяч, обслуживание всей массы читателей должно быть рассредоточено на различных пунктах при четкой и правильной координации их работы.

В ряде выступлений подчеркивалась необходимость участия библиотекарей в воспитании у студентов навыков работы с книгой и библиографическими пособиями. Было признано, что существование самостоятельных факультетских библиотек, не связанных с фундаментальной библиотекой вуза, создает параллелизм во всей работе, начиная с комплектования и кончая организацией обслуживания.

Подготовительная работа к съездам, конференциям выявила большую пестроту в организации работы библиотек высших учебных заведений, что позволило сделать выводы о необходимости изменения «Устава», разработанного в 1919 году. В 1926 году был опубликован разработанный библиотечной комиссией Наркомпроса РСФСР «Типовой устав научных библиотек при высших учебных заведениях РСФСР»¹.

Уже само название «Типовой устав» указывало, что он должен быть отправной точкой при составлении устава для каж-

¹ См.: Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР, 1926, № 12, с. 12—15.

дой научной библиотеки с учетом ее конкретных условий и возможностей. И действительно, «Типовой устав» способствовал созданию уставов в некоторых библиотеках (например, в библиотеках Московского и Иркутского университетов и других).

«Типовой устав» 1926 года узаконивал существование в высшем учебном заведении научной (фундаментальной) библиотеки и вспомогательных учебных библиотек, как филиалов научной, работающих под непосредственным руководством фундаментальной библиотеки только в отношении постановки библиотечной работы.

Устав не изменил положения библиотек кабинетов, лабораторий, научно-исследовательских институтов, остававшихся самостоятельными единицами: они не подчинялись непосредственно фундаментальной библиотеке, на которую было возложено только общее наблюдение за ними в проведении работы согласно требованиям библиотечной техники.

«Типовой устав» сохранял библиотечную комиссию, координировавшую всю работу сети библиотек одного высшего учебного заведения. В обязанность этой комиссии вменялось рассмотрение и обсуждение правил пользования библиотекой, положений, инструкций для вспомогательных библиотек. Разработкой и вынесением вопросов на обсуждение комиссии должна была отныне заниматься фундаментальная библиотека при участии представителей вспомогательных библиотек. Составление положений, инструкций рассматривалось «Типовым уставом» как часть теоретической работы по библиотечному делу, которую обязана вести фундаментальная библиотека. Для конкретного осуществления этой задачи «Типовой устав» предусматривал создание специального библиотечного совета во главе с заведующим (директором) библиотекой и в составе заведующих отделами и отделениями.

Но несмотря на то что «Типовой устав» был весьма важным документом, регулирующим деятельность вузовских библиотек, все же его положения входили в жизнь очень медленно, встречали непонимание на местах, так как требовали и достаточной подготовленности самих библиотекарей, и материальных затрат на реорганизацию сети библиотек, и активной поддержки со стороны общественности и руководства высшего учебного заведения.

В 1927 году Библиотечная комиссия ГУС в своем информационном письме признает: «Организационная и деловая связь между фундаментальными библиотеками и факультетскими, кабинетскими и т. п. библиотеками, состоящими в ведении того же научного или учебного учреждения, обычно слаба. Вследствие этого наблюдается недостаточное использование и вместе с тем распыление книжного достояния, параллелизм в работе,

а также неудовлетворительная постановка дела в филиальных, вспомогательных библиотеках»¹.

Эти же недостатки в построении единой сети библиотек в вузе, разноречивые в отношении между фундаментальной и различными вспомогательными библиотеками отмечались и на Второй Всероссийской конференции научных библиотек, проходившей в декабре 1926 года.

Координация деятельности библиотек одного вуза особенно активно обсуждалась в связи с вопросами кооперирования библиотек. Естественно, что эти доклады и выступления не могли не касаться в той или иной степени вопросов сети библиотек вуза и структуры фундаментальных библиотек.

Выступающие высказывались и о «Типовом уставе», опубликованном перед конференцией. Все отмечали важность положения о руководящей роли фундаментальной библиотеки в постановке библиотечного дела в вузе, говорили, что детальную разработку организации работы вспомогательных библиотек возможно осуществить только в индивидуальных условиях каждой отдельно взятой научной библиотеки. Библиотекари особо отмечали все большее развитие библиотек учебных пособий, усиление роли читального зала в обслуживании студентов. Конференция имела возможность учесть опыт работы библиотек, созданных в послереволюционные годы при таких новых учебных заведениях, какими являлись комвузы.

В докладе Н. С. Сафронеева (библиотека Киевского политехнического института) раскрывалась роль библиотеки в учебном процессе, содержались ценные фактические сведения, интересные предложения. Так, по мнению докладчика, библиотека должна не только информировать о новых поступлениях в фонд, но и реферировать, конспектировать и рецензировать их с помощью преподавателей, а рефераты и конспекты издавать как еженедельные или двухнедельные «Библиотечные обозрения», предназначенные для немедленной выдачи студентам². Для ведения такой работы признавалось необходимым создать специальную библиотечную лабораторию, т. е. речь шла об информационной деятельности библиотек.

Говоря о согласовании работы библиотеки с учебным процессом, Сафронеев высказал ошибочное, на наш взгляд, утверждение, что дипломные задания должны отвечать той литературе, которая имеется в библиотеке и которая может быть выдана. Даже темы и вопросы «зачетного назначения» должны опираться на количественное и качественное наличие книг

¹ Информационное письмо Библиотечной комиссии научно-политической секции ГУСа научным библиотекам, состоящим в ведении Наркомпроса. — «Библиотечное обозрение», 1927, кн. 1—2, стр. 167—168.

² См.: Н. С. Сафронеев. Роль академических библиотек в высшей школе. — В кн.: Труды Второй Всероссийской конференции научных библиотек. Л., 1929, стр. 174—178.

и журналов в библиотеке. Докладчик делит студентов на активистов и массовиков (в зависимости от их умственных способностей). Для студентов-активистов (так как они будут профессорами и другими специалистами высшей квалификации) необходима особая организация работы в стенах библиотеки, отличная от видов и формы работы студента-массовика.

Наплыв студенческой молодежи в научные библиотеки, особенно в богатые книгохранилища, вызвал со стороны некоторых представителей этих библиотек беспокойство: не превратятся ли они в учебные? Научные и массовые библиотеки обслуживали студентов, но считали это временным явлением.

Такое решение вопроса о работе с читателями-студентами нашло свое выражение в докладе Е. Ф. Проскуряковой (ГПБ)¹. Признавая студентов массовым читателем в научной библиотеке, Проскурякова указывает на то, что основные функции этой библиотеки не учебные, а научные. При обсуждении ее доклада дебатировался вопрос о допуске студентов в научные и массовые библиотеки и об ограничении их обслуживания.

Этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным. Многие научные и универсальные библиотеки ограничивают пользование читальными залами для студентов в выходные дни и вечерние часы. Обсуждался этот вопрос, например, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина совместно с секцией вузовских библиотек Ленинграда в 1966 году.

Несмотря на борьбу мнений, на конференции были сформулированы основные требования для улучшения постановки библиотечного дела в вузах, подчеркивалась необходимость согласования всей работы библиотеки с учебно-производственными планами высших учебных заведений и их учреждениями. Отмечалось, что библиотечно-педагогическая и научно-библиографическая работа должна быть связана с профилем учебного заведения. Особое значение имело подтверждение конференцией принципа централизации всей библиотечной работы в данном вузе, втузе или комвузе.

Необходимым условием лучшей постановки библиотечного дела является определенное правовое положение библиотек, вполне конкретная регламентация всех сторон их жизни, и конференция высказалась за создание индивидуальных уставов и правил пользования библиотекой (в соответствии с типовыми), за выработку положений о взаимоотношениях между фундаментальной и кабинетскими библиотеками.

Не меньшее значение имеет и указание о необходимости объединения научных библиотек внутри ведомств (в едином

¹ См.: Е. Ф. Проскурякова. Научная библиотека и массовый читатель.—В кн.: Труды Второй Всероссийской конференции научных библиотек. Л., 1929, стр. 148—154.

административном их подчинении) и координации деятельности между вузовскими и другими библиотеками.

После Второй конференции продолжает сохраняться разноречивой в осуществлении уже принятых решений. В некоторых случаях положение даже ухудшилось, так как конкретные условия каждой библиотеки больше препятствовали централизации библиотечного дела, чем способствовали объединению. Усилилась автономия вспомогательных библиотек: они совершенно отделились от фундаментальной. Но несмотря на многие недостатки в работе вузовских библиотек, к концу двадцатых годов более четко оформилась структура фундаментальных библиотек и определились взаимоотношения с библиотеками кабинетов и кафедр.

Сеть библиотек в вузе в годы первых пятилеток (1928—1940 годы)

Первый пятилетний план, по которому началось гигантское строительство в нашей стране, предусматривал не только развитие народного хозяйства, но и дальнейшее развитие культурной революции, подъем науки и искусства. Для осуществления этих гигантских планов были нужны высококвалифицированные, идеологически подготовленные кадры специалистов самого различного профиля. Высшие учебные заведения, имевшиеся к началу первой пятилетки, не могли бы справиться с подготовкой необходимого контингента инженеров, врачей, агрономов. Особо острой была нужда в кадрах для промышленности.

Развернутую программу перестройки высшей школы, в связи с потребностями промышленности, определили постановления июльского 1928 года и ноябрьского 1929 года Пленумов ЦК ВКП(б).

Значительные резервы для высшей школы подготовили и продолжали готовить в эти годы рабочие факультеты, получившие в свое время одобрение В. И. Ленина. Коммунистическая партия особо отмечала роль рабочих факультетов в подготовке кадров новой советской технической интеллигенции из рядов рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Большая часть советских вузов была создана в нашей стране в начале 30-х годов. Именно в эти годы проводилась реорганизация всего высшего образования. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и в других городах было открыто много новых учебных заведений. Нередко новые вузы создавались на базе старых университетов и многопрофильных институтов путем выделения из них кафедр, факультетов в самостоятельные учебные заведения. Например, в Саратове в 1931—1934 годах было открыто 9 институтов, большая часть на базе Саратовского университета.

Если в начале первой пятилетки (1928/29 учебном году) в стране было 152 высших учебных заведения, то к 1931/32 учебному году их стало уже более 700¹.

В 1931 году университетам было предложено готовить кадры для производства, научно-исследовательских институтов, вузов и втузов.

Реорганизация высших учебных заведений сказалась и на постановке библиотечного дела в высшей школе. Рост учебных заведений способствовал увеличению числа библиотек, развитию разных их типов и видов. Организация отраслевых институтов вызвала организацию отраслевых библиотек при них.

Создание нескольких втузов на базе политехнических институтов, университетов породили еще один тип библиотек — межвузовских. Такие библиотеки существовали некоторое время в ряде городов, например в Одессе, Перми, Свердловске и т. д.

Библиотека Саратовского университета обслуживала три вуза: университет, медицинский и педагогический институты. Новые вузовские библиотеки часто создавались на базе книжных фондов библиотек факультетов и кафедр. Например, основу фонда библиотек некоторых институтов в Саратове составляли книги из кабинетов университета: библиотека педагогического института — из книг кабинетов педагогического факультета (в 1932 году); библиотека юридического института — из книг правового кабинета и учебных пособий — из фондов фундаментальной библиотеки.

В 1934 году в высших учебных заведениях было 1139 библиотек с фондом в 48 360 960 томов². При переписи обнаружилось, что во многих вузах, в том числе и во вновь организованных, была не одна, а целая сеть библиотек. К 1932—1933 году в высшей школе сохранились три звена в обслуживании читателей. Наряду с фундаментальной существовали учебные библиотеки, библиотеки кафедр, кабинетов и факультетов, которые в одних случаях были филиалами, передвижками, отделениями фундаментальных, а в других — не зависели от головной библиотеки и поэтому регистрировались как самостоятельные. Например, в Ленинградском университете, кроме фундаментальной библиотеки, занесены в списки еще 23 библиотеки. Как самостоятельные библиотеки включены в таблицы переписи библиотеки социально-экономических кабинетов Ленинградского горного и Ленинградского сельскохозяйственного институтов, шесть факультетских библиотек Свердловского индустриального института, а также многие другие библиотеки различных вузов.

Бурный рост фундаментальных библиотек в начале 30-х го-

¹ См.: Е. В. Чуткерашвили. Развитие высшего образования в СССР. М., «Высшая школа», 1961, стр. 21.

² См.: Всесоюзная библиотечная перепись 1 октября 1934 года. Т. I. Основные итоги. М., 1936, стр. 9.

дов сопровождался ростом сети других библиотек в каждом вузе; между ними сохранились те же взаимоотношения, которые сложились в 20-е годы, т. е. сеть библиотек вуза подчинялась фундаментальной библиотеке по вопросам библиотечной техники¹. Библиотеки лабораторий и кабинетов были обязаны (но далеко не всегда это делали) координировать комплектование и отражать свои фонды в общем (сводном) каталоге на книжные фонды учебного заведения. Можно отметить, что в 30-е годы были широко распространены факультетские учебные библиотеки в связи с повышением спроса на учебную литературу. Многие из них работали на правах филиалов фундаментальной библиотеки. В одних учебных заведениях филиалы организовывались по территориальному признаку (из-за отдаленности помещений факультетов от фундаментальной библиотеки или студенческих общежитий от учебных корпусов), в других— в соответствии с профилем института, в третьих— по читательскому назначению (для младших и старших курсов, для дипломников).

Стремление приблизить книгу к студентам—основным читателям вузовской библиотеки—было предпосылкой организации специальных библиотек при общежитиях и красных уголках; по этой же причине получили широкое распространение библиотеки-передвижки. В 30-е годы Научная библиотека Московского университета одна из первых организовала две библиотеки учебных пособий и библиотеки в студенческих городках. Вслед за МГУ были организованы 2 филиала в Научной библиотеке Саратовского университета: библиотека исторического факультета и библиотека учебных пособий медицинского института. Факультетские и учебные библиотеки были в Одесском, Днепропетровском, Иркутском университетах, в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, в Воронежском сельскохозяйственном институте и во многих других.

Таким образом, к середине 30-х годов продолжала укрепляться сеть библиотек при высшем учебном заведении, которую библиотековеды и библиотекари считали отвечающей требованиям времени².

Отказ от бригадного и лабораторного методов преподавания, возвращение в 1933—1934 годах к лекционной системе и индивидуальным заданиям, усиление требований к самостоятельной работе студентов над учебными материалами выдвинули на первый план индивидуальную работу с читателями-студентами. Библиотеки отказались от коллективного абоне-

¹ См.: Устав фундаментальной библиотеки Иркутского госуниверситета и основные положения о взаимоотношениях учебных и кабинетских библиотек с фундаментальной. Иркутск, 1929, стр. 14.

² См.: О. С. Чубарьян. Библиотечная работа в высшей школе. — «Красный библиотекарь», 1933, № 6, стр. 32.

мента, распространенного в высшей школе в то время, когда в ней господствовал бригадный метод, когда такой абонемент (выдача книг бригаде, группе) провозглашался как лучший метод работы с читателями, наиболее отвечающий организации всего учебного процесса в вузе.

Стабильные учебные планы, издание стабильных учебников позволили лучше обеспечивать студентов литературой. Например, в Московских вузовских библиотеках в 1932/33 учебном году по некоторым дисциплинам был достигнут очень высокий коэффициент обеспеченности: на каждого студента 1—2-го курсов—по одному учебнику.

Однако полностью обеспечить все факультеты, курсы необходимыми учебниками библиотеки не могли. Поэтому в эти же годы уделяется внимание рациональному использованию учебных фондов. Возникают различные системы распределения учебников: по спискам, по талонам. Благодаря такому разделению функций фундаментальные библиотеки стали больше внимания уделять обслуживанию профессоров, преподавателей и научных работников вузов. Они начинают изучать профиль своих вузов, тематику научной работы, улучшают организацию фондов и каталогов. Но в то же время многие фундаментальные библиотеки ограничивали доступ студентов на свои абонементы и даже иногда в читальные залы, обслуживали только студентов старших курсов или членов научных кружков.

Решающее значение для перестройки библиотечной работы в вузе имело Постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года «Об улучшении библиотечной работы», в котором состояние библиотечного дела признавалось неудовлетворительным для выполнения задач социалистической реконструкции народного хозяйства и указывалось на необходимость «решительно перестроить библиотечную работу в соответствии с возрастающим ее политическим значением, превратить библиотеки в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение пятилетнего плана социалистического строительства»¹.

Неудовлетворительной была постановка дела и в вузовских библиотеках, что неоднократно отмечалось в периодической печати. Авторы статей, освещавшие жизнь высшей школы в эти годы (это были чаще всего различные ревизоры и контролеры, обследовавшие деятельность вуза в целом), отмечали, что библиотеки вузов фактически не имеют никакого руководства и работают по поговорке «всяк молодец на свой образец», что иные вузовские библиотеки превратились в склады, распределяющие учебную литературу среди студентов, что вопрос о состоянии

¹ См.: Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917—1949 гг.). Учебное пособие для студентов библиотечных институтов. Сост. Л. А. Соловьева и М. Л. Хейфец. Л., 1960, стр. 97.

вузовских библиотек заслуживает особого внимания, так как нередко представляет собой одно из слабых мест в работе высших учебных заведений. Можно встретить в этих статьях и упреки в адрес библиотечных работников, что они не умеют постоять за свое дело, боятся критики. Кадры библиотек вузов в это время имели слабую общеобразовательную и специальную подготовку, что препятствовало использованию богатейших фондов и превращало библиотекарей из воспитателей студентов в механических раздатчиков учебной литературы.

Постановление ЦК ВКП(б) привлекло внимание партийных организаций вузов, ректоратов к работе всей сети библиотек, к подбору и воспитанию кадров библиотекарей. В библиотеках высшей школы появились молодые сотрудники-комсомольцы. Они были инициаторами массовой работы, библиографической помощи читателям. Так, Научная библиотека Саратовского университета после реорганизации, проведенной после постановления ЦК, не только обновила кадры, но и изменила методы работы. Наладилась работа МБА, создавались библиографические указатели краеведческого характера, велась пропаганда библиотечно-библиографических знаний среди читателей. Росту и углублению работы вузовских библиотек способствовало также Постановление ЦИК СССР (1934 год) «О библиотечном деле в Союзе ССР». Улучшилось руководство библиотеками, комплектование их фондов, создались предпосылки для большего развития библиографической деятельности, улучшились материальное положение библиотек и организация подготовки кадров для них.

Шесть университетских библиотек в 1934 году получают титул научных и самостоятельный бюджет, что позволяет им расширить и углубить массовую работу, закончить разборку необработанных фондов, предоставить свои фонды не только студентам и преподавателям своих учебных заведений, а всем тем, кто нуждается в научной литературе.

«Научные библиотеки сейчас ближе подходят к массе. Вот возьмем, например, библиотеку МГУ. Там чрезвычайно интересная выставка для вновь поступающих студентов. Им показывают всю научную, всю общественную работу библиотеки. Показывают роль библиотеки в революционном движении, в деле овладения знанием, техникой. Чрезвычайно интересная выставка. Потом в помощь лекциям по изучаемым областям знания подбираются книги. Это не только МГУ делает»¹, — сказала в своей «Речи на совещании директоров научных госбюджетных библиотек» в декабре 1934 года Н. К. Крупская. Она очень одобрила шефство научных библиотек над массовыми библиотеками и отметила, что «научная библиотека перестает быть замкнутой, какой она была в старое время. Чувствуется, что в

¹ Н. К. Крупская. О библиотечном деле. М., 1937, стр. 405.

ее работе бьет новая, социалистическая струя. Как будто ничего особенного нет, но все вместе взятое в целом представляет что-то новое, какой-то новый тип библиотеки»¹.

Н. К. Крупская говорила и о том, что впереди у научных библиотек очень большая работа и что «перспектива развития этой работы очень велика», но она указывала и на недостатки.

Действительно, многие вопросы в вузовских библиотеках оставались не решенными. Поэтому в Постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 года снова отмечалось, что «при организации новых высших учебных заведений и развертывании старых нередко упускалось важнейшее условие работы вузов—обеспечение их соответствующими научно-педагогическими кадрами, лабораториями, кабинетами, библиотеками...»².

Всесоюзное совещание по теоретическим вопросам библиотекведения и библиографии, прошедшее в декабре 1936 года при непосредственном участии и руководстве Н. К. Крупской, привлекло внимание сотрудников вузовских библиотек к научной и методической работе. Так, в Научной библиотеке Саратовского университета создается фонд библиотекведческой литературы, ставший впоследствии базой для организации научно-методического кабинета библиотекведения. Издаются путеводитель по библиотеке, рекомендательные библиографические списки по краеведению, начинается работу научный семинар по библиотекведению и библиографии. В семинаре участвуют все ведущие работники библиотеки. Главная задача семинара—изучение теории библиотекведения и библиографии и опыта других библиотек. Этот семинар способствовал развитию научной работы в библиотеке, и в результате уже в 1940 году в Научной библиотеке СГУ состоялась первая научная конференция. Этот пример не единичное явление. Очень интенсивно вузовские библиотеки начинают обобщать опыт своей работы в печати³.

Главное их внимание направлено на раскрытие деятельности фундаментальных библиотек, организацию обслуживания читателей, комплектование фондов, развертывание массовой работы. А в связи с этим обсуждается и состояние сети библиотек в высшем учебном заведении, роль этих библиотек и перспективы их дальнейшей работы.

¹ Н. К. Крупская. О библиотечном деле. М., 1937, стр. 406.

² О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 23 июня 1936 года.— В кн.: Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., «Сов. наука», 1940, стр. 25.

³ См., например: В. А. Артисевич. Научная библиотека Саратовского университета.— «Красный библиотекарь», 1935, № 7, стр. 40—45.

Во многих учебных заведениях, особенно технического профиля, в то время существовали несколько совсем (или почти совсем) самостоятельных библиотек: фундаментальная, учебная, художественная и социально-экономическая. Каждая из этих библиотек имела своего заведующего, самостоятельно комплектовала фонды, обрабатывала и хранила их, обслуживала читателей.

Обособленное обслуживание затрудняло информационную и библиографическую помощь читателям со стороны вузовской библиотеки, а именно эти задачи они были обязаны решать к концу 30-годов. Сепаратное хозяйство мешало завершению работы с фондами, инвентаризации, избавлению от непрофильных коллекций. Именно поэтому выдвигалась необходимость централизации, объединения этих библиотек в единое учреждение с общим руководством, централизованным комплектованием, обработкой и хранением и децентрализованным обслуживанием. При чем децентрализация в обслуживании касалась прежде всего студентов, а именно — обеспечения их учебной литературой. Выдача учебников по территориальному принципу (в лабораториях, общежитиях) должна была помочь учащимся избежать очереди за книгами¹.

Теоретическая постановка вопроса о централизации сети библиотек в вузе требовала практической реализации. Но вузовские библиотеки не имели еще тогда единого методического центра и в административном отношении были подчинены различным ведомствам. С одной стороны, это улучшало их экономическое положение: увеличивались ассигнования на приобретение литературы, расширялись штаты. Например, бюджет фундаментальной библиотеки Саратовского университета в 1928 году составлял 341 000 рублей, а в 1939 году он достиг 500 000 рублей, в ее штате в 1934 году было 38 человек, а в 1939 году — 95 человек. С другой стороны, отсутствие единого методического центра вносило разноречивость в организацию работы.

Различные ведомства, под руководством которых находились вузы и их библиотеки, организовывали курсы усовершенствования библиотекарей, утверждали и издавали программы повышения квалификации, разрабатывали различные инструкции и другие документы, определяющие правовое положение подчиненных учреждений. Так, в 1938 году было разработано «Положение о библиотеках вузов Наркомата тяжелой промышленности».

В 1938 году при Всесоюзном комитете по делам высшей школы была создана постоянная библиотечная комиссия, которая должна была осуществлять руководство всеми библи-

¹ См.: И. А. Месеняшин. Библиотеки учебных заведений на новом этапе. — В кн.: На новом пути. (Из опыта работы библиотек тяжелой промышленности). Л., 1935, стр. 49—57.

отеками высших учебных заведений. В ее обязанности входили наблюдение за работой библиотек вузов и разработка общих организационных и методических вопросов библиотечной работы в высшей школе.

Таким образом, к концу 30-х годов было создано единое руководство библиотечной работой в высших учебных заведениях, повысились требования к библиотекам как к научным и учебно-воспитательным учреждениям. Библиотеки вузов претерпели ряд преобразований. Возникла необходимость пересмотра «Типового устава» 1926 года. Нужен был новый руководящий документ, который закрепил бы достигнутое в организационных вопросах и регулировал всю деятельность библиотек вузов.

Новое «Типовое положение» было разработано в 1938 году¹. Его подготовка велась в административном порядке. В предисловии к этому важному документу давалось определение библиотеки высшей школы как научного и учебно-воспитательного учреждения, перечислялись ее задачи, указывалась руководящая роль фундаментальной библиотеки в сети библиотек вуза и в то же время отмечалось ее подчиненное положение в учебном заведении, из чего следовал вполне естественный вывод о том, что она должна находиться непосредственно в ведении директора вуза, который обслуживает.

Весь материал «Типового положения» 1938 года в отличие от предшествующих уставов, состоящих из отдельных параграфов, сгруппирован в трех разделах. Первый раздел—содержание и форма работы библиотеки. Здесь называются основные виды работы, даются принципиальные установки для комплектования фондов, указываются основные категории читателей, которых обслуживает библиотека, и перечисляются некоторые формы массовой работы среди читателей.

Два других раздела посвящены вопросам управления библиотекой, и в частности здесь говорится о библиотечном совете. Структуры фундаментальной (кстати, она не называется ни главной, ни фундаментальной, ни научной, ни основной а, просто—библиотека) и факультетских библиотек «Типовое положение» не касается, хотя в практике уже сложились определенные формы, которые могли бы быть учтены в этом документе. «Положение» тем самым не разрешало вопроса о руководстве сетью библиотек вуза, просто вменяло в обязанность фундаментальной библиотеке проведение этой работы.

«Типовое положение» 1938 года имело весьма крупный недостаток: оно было построено с расчетом на библиотеку среднего масштаба, совершенно игнорировало специфику

¹ См.: Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения.— В кн.: Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1940, стр. 111—112.

крупных многопрофильных библиотек (университетов, политехнических и промышленных вузов) и не отражало возможностей библиотек, небольших по фондам, штатам, количеству читателей. Но тем не менее выход в свет «Типового положения» способствовал выработке конкретных документов в каждой библиотеке высшего учебного заведения. Одни библиотеки создавали «Правила пользования», где отражались и вопросы структуры фундаментальной библиотеки и сети; другие — разрабатывали свои положения на основе типового. Наиболее интересными являются положения, созданные Научной библиотекой им. А. М. Горького при Московском университете.

Ни «Положение о библиотеках Московского университета», ни «Положение о Научной библиотеке им. А. М. Горького при МГУ», ни «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения» 1938 года не затрагивали вопроса о том, какие категории читателей должен обслуживать тот или иной тип научных или вспомогательных библиотек.

Согласно «Типовому положению» библиотеки лабораторий, кабинетов и т. д. должны были работать по принципу читального зала, но чаще всего они занимались выдачей литературы на дом под залог документа на неопределенные сроки. Пользовались ими научные работники и студенты старших курсов. Однако они перестали быть распределителями учебной литературы: эту функцию стали выполнять или библиотеки учебных пособий или абонементы фундаментальных библиотек, так как фонды кабинетов все больше начали приобретать справочный характер. Постановка библиотечного дела в них оставалась слабой. Фундаментальные библиотеки, за редким исключением, совершенно не руководили деятельностью сети библиотек. Инструкция Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР от 24 января 1940 года¹ обязывала фундаментальные библиотеки осуществлять такое руководство. Она была в основном направлена на упорядочение в расходовании денежных средств при комплектовании библиотеки и на улучшение организации и сохранности фондов.

В тех случаях, когда фундаментальные библиотеки пытались контролировать работу сети библиотек, такой контроль они сводили к собиранию отчетов, но эта работа велась не систематически и мало обобщалась, а следовательно, и не могла оказать решающего влияния на всю постановку дела в этих библиотеках. Руководство сводилось к индивидуальным единичным консультациям наиболее активных и добросовестных лиц, ответственных за кабинетские и кафедральные библиотеки. Даже интересная попытка создания руководяще-

¹ См.: Об упорядочении работы библиотек в кабинетах, лабораториях и при кафедрах.— Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, 1940, № 4, стр. 4—5.

го документа — особого положения о сети библиотек, — осуществленная в Московском университете Научной библиотекой имени А. М. Горького, не могла иметь очень большого значения. Прежде всего потому, что положение предъявляло повышенные требования к подобному типу библиотек, потому что на работника, ответственного за библиотеку, но имеющего другую работу в качестве основной, возлагались многие обязанности, требующие, помимо библиотечной подготовки, дополнительного рабочего времени, которым они не располагали. Тем не менее опыт создания документа, фиксирующего не только общие задачи определенного типа библиотек, но и содержание и формы работы этих библиотек; несомненно, мог бы способствовать улучшению постановки библиотечного дела, если бы он получил широкое распространение и если бы положение было дополнено инструкциями по основным вопросам библиотечной техники, слабое знакомство с которой так характерно для работников кабинетских и кафедральных библиотек.

Фундаментальные библиотеки высших учебных заведений еще не имели методических отделов (секторов), которые могли бы руководить сетью библиотек, координировать их деятельность в организации фондов и каталогов, в обслуживании читателей, особенно студентов, а также в постановке справочно-библиографической работы.

Крупнейшие университетские библиотеки, например Научная библиотека Московского университета, незадолго до Великой Отечественной войны уже приступили к организации методического руководства сетью своих библиотек. В перспективе эту работу должны были выполнять кабинеты библиотечковедения, такие, например, как в научной библиотеке Саратовского университета.

Таким образом, высшие учебные заведения к 1941 году имели целую сеть библиотек, которая возглавлялась фундаментальной библиотекой. Сложилась определенная система в обслуживании студентов, которая сохранилась в основных чертах и в годы Великой Отечественной войны.

Библиотеки вузов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 годы)

К 1941 году в высшей школе СССР было 812 фундаментальных библиотек и не одна тысяча библиотек кабинетов, лабораторий и факультетов, составлявших в каждом вузе целую сеть.

В начале Великой Отечественной войны (в 1941—1942 годах) высшие учебные заведения западных областей, подвергшиеся оккупации, были эвакуированы на восток страны, но многотысячные фонды библиотек этих вузов остались на зах-

ваченной врагом территории и сильно пострадали от бомбардировок. Некоторые вузовские библиотеки были расхищены во время оккупации или вывезены.

Так, из довоенного фонда Научной библиотеки Днепропетровского университета сохранилось лишь одно книгохранилище дублетных экземпляров по истории, иностранной литературе, изданий 20-х и начала 30-х годов; в период оккупации была уничтожена более чем половина фонда библиотеки учебных пособий. Библиотека Киевского университета, имевшая к 1941 году фонд до 800 тысяч томов, почти полностью сгорела. Была уничтожена в 1942 году библиотека Ростовского университета, насчитывавшая к 1941 году около 400 тысяч томов. Сгорел от зажигательной бомбы картографический кабинет Научной библиотеки Одесского университета. Пострадали от бомбардировок фонды Научных библиотек Ленинградского и Московского университетов.

На библиотеки университетов и других вузов, находившихся в тылу, легла обязанность обеспечивать литературой эвакуированные в эти города высшие учебные заведения, научные учреждения, промышленные предприятия. Например, Научная библиотека Саратовского университета обслуживала коллектив Ленинградского университета, Научная библиотека Казанского университета—Академию наук СССР. В эти библиотеки обращались за литературой и различными справками госпитали, воинские части и т. д.

Библиотеки отраслевых высших учебных заведений широко обслуживали специалистов своего профиля. Университетские библиотеки, в силу универсальности своих фондов, в еще большей степени, чем в предшествующие годы, выполняли функции научных публичных библиотек не только для городов, в которых они находились, но и для определенных районов страны. Например, фундаментальные библиотеки Томского и Иркутского университетов—для Сибири, Казанского университета—для Урала и Татарии, Саратовского университета—для Нижнего Поволжья и для всего Юго-Востока и т. д.

В то время когда наиболее богатые по фондам библиотеки университетов и других учебных заведений, находившихся вдали от фронта, расширили круг своих читателей за счет специалистов различных профилей, другие вузовские библиотеки в тех же и других городах были на некоторое время законсервированы, так как их помещения занимались под эвакуированные заводы, учреждения, госпитали и т. д. В таком положении, например, оказались библиотеки Свердловского и Пермского университетов и многие вузовские библиотеки в разных городах страны (Омске, Саратове, Горьком, Казани и т. д.).

Фонды этих библиотек были почти недоступны для читателей, так как складывались в спешном порядке без опреде-

ленной системы. Библиотеки могли работать только с небольшой частью литературы, в основном учебной. Поэтому в военные годы многие вузовские библиотеки из фундаментальных, научных, фактически превратились в библиотеки учебных пособий и все внимание сосредоточили на обслуживании студентов. Это не могло не отразиться на других участках библиотечной работы, которым, естественно, из-за недостатка штатов уделялось значительно меньше внимания. В связи с переездами библиотек из одного помещения в другое увеличивались потери литературы, которые не отражались в учете (карточки на утерянные книги из каталогов не изымались). Слабо велась борьба с задолженностью (что подтвердила проверка фондов вузовских библиотек, проводившаяся в 1948 году).

Научной библиографии, получившей некоторое развитие в предвоенные годы, уделялось мало внимания. Библиографическая работа носила в основном справочный характер (ответы на запросы отдельных читателей, учреждений и предприятий).

Конкретные условия, в которых приходилось работать библиотекам высших учебных заведений в годы войны, были очень различны и требовали от библиотекарей оперативности, умения приспосабливаться к любым изменениям, чтобы своевременно удовлетворять запросы читателей. В организации обслуживания студентов опять остро встал вопрос об обеспечении учебной литературой, издание которой сократилось до минимума. Применялись ранее найденные формы распределения учебников с участием кафедр—по спискам, талонам, биркам и т. д. Усилился обмен учебниками для временного пользования в пределах одного города между вузовскими библиотеками.

В еще более трудных условиях находились вспомогательные библиотеки, где никогда не было библиотекарей и всю работу вели лаборанты. Увеличение учебной нагрузки лаборантов (поручений по кафедре или лаборатории) приводило к сокращению библиотечной работы в кафедральной или кабинетской библиотеке. Фонды этой сети библиотек если и пополнялись в войну, то бессистемно. В некоторых вузах книжные фонды кабинетов свозили и складывали в фундаментальные или учебные библиотеки, и в таком виде они сохранялись до послевоенного времени.

К концу 1943 года и в 1944 году книжные фонды начали постепенно приводиться в порядок, так как у библиотек появилась возможность вернуться в старые помещения или занять другие.

Уже в 1945/46 учебном году почти все вузовские библиотеки, действовавшие в предвоенные годы, были открыты. Но для того, чтобы они могли обслуживать читателей так же, как и в довоенные годы, необходимо было провести большую

работу: снова придать им научный характер, восстановить их функции как фундаментальных и вспомогательных библиотек.

Сеть библиотек в вузе в послевоенные годы

В послевоенные годы очень быстро растут книжные фонды не только библиотек, находившихся вне сферы военных действий, но и тех, что были разрушены и расхищены фашистами во время Великой Отечественной войны. Коммунистическая партия и Советское правительство еще во время Великой Отечественной войны проявляли неустанную заботу о восстановлении библиотек на освобожденной от врага территории. В 1943 году при Наркомпросе РСФСР был создан Государственный фонд литературы для восстановления разрушенных фашистами библиотек. Он сыграл огромную роль и в пополнении и в организации новых фондов пострадавших вузовских библиотек. О том, насколько интенсивно проходило создание и увеличение фондов библиотек высших учебных заведений, можно судить хотя бы по такому факту: Научная библиотека Киевского университета через год после освобождения имела фонд в 75 тысяч томов, а к 1953 году—663257 томов. Весь фонд библиотеки Ростовского университета, спасенный от гибели во время войны, составлял 8 тысяч томов, а к 1950 году библиотека насчитывала уже 298712 печатных единиц.

В послевоенные годы заметно увеличился (даже по сравнению с предвоенными 1939—1940 годами) прием в высшие учебные заведения. Следовательно, библиотеки вузов в это время получили весьма значительное пополнение рядов своих читателей.

Если в предвоенные годы вузы пополнялись выпускниками средних школ, если в военные годы почти 70% студентов составляли женщины, то в первые послевоенные годы (1947—1949) в вузы пришли бывшие фронтовики, рабочие, выпускники заочных и вечерних средних школ. В годы войны многое из того, что дала средняя школа, было ими забыто. В библиотеки пришел упорный, требовательный читатель, стремящийся как можно больше и скорее приобрести знания, умеющий работать терпеливо и вдумчиво, но, несмотря на это, нередко нуждающийся в помощи, в быстром удовлетворении как запроса на книги, так и ответа на вопросы, где можно найти литературу по определенной тематике. Между тем условия, в которых оказались многие вузовские библиотеки, были нелегкими.

В отчетах вузовских библиотек за эти годы говорится об отсутствии света в книгохранилищах и читальных залах, об использовании читальных залов в качестве учебных аудиторий и т. д. Но, несмотря на общие трудности с размещением

самих вузов, их библиотеки получали помещения в учебных корпусах, общежитиях. Они собирали, обрабатывали научные фонды, проводили проверку имевшихся фондов, иногда переинвентаризацию. Чем крупнее была библиотека, тем сложнее оказывалась работа, связанная с упорядочением фондов.

В крупных вузовских библиотеках не прекращалась научная работа в области библиотекведения и библиографии, изучались системы размещения фондов, вопросы каталогизации их¹.

Самой острой проблемой в первые годы после войны (1946—1950) было обеспечение студентов учебниками. Недостаток учебных пособий в книготоргующих организациях, все еще недостаточные тиражи их требовали от библиотек планового распределения учебников среди студентов, разработки принципов организации обслуживания учебного процесса. Для этого надо было вести не только суммарный учет всего фонда, а и учет движения каждого названия в пределах одного учебного года. В 1947 году этим вопросом занимались, например, Библиотека Академии наук УССР, которая разослала многим библиотекам в качестве обмена опытом методическое письмо, составленное Г. М. Плесским. Оно называлось «О рационализации учета учебников в библиотеках вузов, техникумов и парткабинетов» и содержало рекомендации по ведению специальной картотеки учебников как дополнения к каталогам на студенческом абонементе. Сводные карточки этой картотеки могли дать почти исчерпывающие данные об обеспеченности студентов учебниками по дисциплинам на определенные сроки.

Одновременно с вопросами обеспеченности студентов учебниками вузовские библиотеки упорядочивали организацию обслуживания. Вновь, как и в предвоенные годы, библиотекари высшей школы обсуждали необходимость централизации сети библиотек вуза. В эти годы большую роль в обслуживании учебного процесса играли факультетские библиотеки. По характеру комплектования их можно разделить на два типа: научные и учебные. И в том и в другом случае они обязательно комплектовались учебной литературой по одной или нескольким (чаще смежным) отраслям науки. Факультетские библиотеки научного характера приобретали монографическую литературу, периодические и продолжающиеся издания по одной или нескольким отраслям в зависимости от профиля обслуживаемого факультета. Крупные научные факультетские библиотеки имели, помимо абонемена, читальный зал с подсобным фондом, справочно-библиографический пункт. Они

¹ См.: И. М. Золотарев. Научная работа библиотеки Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.— Научные библиотеки. (Обмен опытом), № 1. М., 1948, стр. 13—16.

оставались самостоятельными библиотеками, а не филиалами по отношению к фундаментальным библиотекам. Такое же положение занимали и некоторые учебные факультетские библиотеки.

Значительное влияние на организацию всей работы сети библиотек оказали типовые штаты университетов, утвержденные в мае 1949 года. В них были предусмотрены специальные штаты для учебных библиотек, которые становились все более самостоятельными, независимыми от фундаментальных.

В технических вузах учебные библиотеки не предусматривались никакими специальными документами и поэтому не получили развития даже в таких многоотраслевых вузах, как политехнические институты. В крупных технических вузах сохранились созданные в 30-е годы библиотеки художественной, общественно-политической литературы и справочные библиотеки при чертежных залах и лабораториях.

Во всех университетах, педагогических институтах были восстановлены библиотеки на гуманитарных и общественно-политических кафедрах—кафедрах истории, иностранных языков.

Нередко библиотеки кафедр иностранных языков стремились обслуживать студентов учебниками и учебными пособиями параллельно с факультетскими и фундаментальными библиотеками. Для этих целей они приобретали вместо 1—2 экземпляров учебников по несколько десятков каждого названия.

По правилам литературой из фондов кабинетских библиотек обычно пользуются в читальных залах, непосредственно в помещении самого кабинета. Но в эти годы, из-за общих затруднений с помещениями, кабинеты выдавали всю литературу и преподавателям и студентам под залог документов на дом. С одной стороны, это улучшало использование фондов, а с другой, ухудшало их сохранность. Все это приводило к распылению средств, к излишнему дублированию фондов, затрудняло поиски литературы, так как она не отражалась в едином сводном каталоге.

Основная масса вузовских библиотек ориентировалась в вопросах структуры фундаментальных библиотек, в вопросах сети на те документы, которые вышли в первые же годы после войны («Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения», приказы и распоряжения министерств, в ведении которых находились различные вузы).

Несмотря на общие основы, заложенные в разделах «Типового положения», организация обслуживания читателей и в послевоенные годы развивалась не унифицированно, продолжались поиски приближения книги к читателям-студентам. Поэтому вопросы сети библиотек в вузе обсуждались на методических совещаниях, на семинарах и собраниях.

17—21 мая 1947 года Министерство высшего образования СССР провело совещание директоров университетских библиотек, на котором были обсуждены наиболее важные задачи: вопросы структуры университетских библиотек, как фундаментальных, так и всей сети, вопросы руководства сетью библиотек одного университета. В совещании приняли участие 18 библиотек. Резолюции этого совещания и доклады (А. И. Кудрявцевой, Н. А. Вильчур, О. Л. Вайнштейна, В. А. Артисевич) получили, хотя и не все, освещение на страницах журнала «Библиотекарь» и в «Вестнике высшей школы»¹.

Обобщив опыт библиотек Московского, Саратовского, Томского, Ленинградского университетов, А. И. Кудрявцева сделала правильный вывод о том, что фундаментальные библиотеки университетов являются научными учреждениями, стоящими во главе всей сети учебных и научных библиотек своего учебного заведения. Крупные библиотеки при кабинетах на гуманитарных факультетах А. И. Кудрявцева считала отраслевыми филиалами университетской библиотеки. Мелкие библиотеки при кабинетах, кафедрах, лабораториях она предлагала сделать отделениями факультетских библиотек. В зависимости от такой организации библиотечного обслуживания университета А. И. Кудрявцева определяла и функции каждого звена этой сети. Так, фундаментальная библиотека рассматривалась как центр научно-исследовательской, библиографической и методической работы для сети библиотек университета, центр обслуживания профессоров, научных работников и аспирантов университета. А. И. Кудрявцева высказалась в пользу централизации комплектования всех факультетских библиотек. Но централизацию комплектования она понимала широко: и как выполнение заявок от сети библиотек, т. е. непосредственное приобретение литературы для них, и как контроль за самостоятельным комплектованием фондов.

Основные перспективы университетских библиотек А. И. Кудрявцева видела в укреплении и усилении руководящей роли фундаментальной библиотеки по отношению ко всей сети библиотек университета. Она отмечала повышение значения факультетских библиотек в обслуживании ученых. Но главное назначение этих библиотек А. И. Кудрявцева видела в обслуживании студентов и для этой цели считала необходимым комплектовать факультетские библиотеки не только учебной, но и научной литературой, а также повышать требования к подбору кадров в эти библиотеки.

¹ См., например, А. И. Кудрявцева. Структура университетских библиотек.— «Библиотекарь», 1947, № 9, стр. 25—31; Н. А. Вильчур. Основные задачи университетских библиотек.— Вестник высшей школы, 1947, № 10, стр. 43—46.

В последующие годы библиотеки университетов и других вузов продолжали работу по укреплению руководства сетью, но большее внимание они уделяли работе самих фундаментальных библиотек. В начале 50-х годов многие библиотеки отмечали свои юбилеи и в связи с этим подводили итоги пройденного пути, составляли исторические обзоры деятельности, некоторые из которых были опубликованы¹. В этих работах нашли отражение вопросы структуры (не в теоретическом плане), содержались данные о состоянии основных звеньев сети библиотек в вузе.

В 1953 году была опубликована статья И. В. Мишарева, где он, выступая против организации учебных библиотек, писал, что фундаментальные библиотеки лучше обслуживают читателей, если организуют соответствующим образом свои абонементы². Статья вызвала дискуссию. В защиту учебных библиотек, как звена в организации обслуживания студентов, выступил Н. А. Вильчур³. Он обосновывал целесообразность библиотек учебных пособий как функциональных отделов, которые позволяют фундаментальным библиотекам улучшить организацию фондов научной литературы, рациональнее использовать помещения хранилищ, ускорить выдачу учебных пособий в периоды массового спроса на них, улучшить, в конечном итоге, обслуживание читателей научной литературой. Он отмечал, что даже в титульных научных библиотеках (т. е. имевших самостоятельные бюджеты и штатные расписания), где учебная библиотека финансируется непосредственно университетом, учебные библиотеки должны быть в ведении директоров научных библиотек. (В тот период многие учебные библиотеки были фактически независимыми, параллельными научным).

Выше отмечалось, что такого же мнения придерживались многие библиотечные работники крупных вузовских библиотек, перешедших на дифференцированное обслуживание еще в 30-е годы и сохранивших его до последнего времени. Например, при значительной реорганизации обслуживания, которая проведена в Научной библиотеке МГУ к 1955 году, не были ликвидированы библиотеки учебных пособий. Целесооб-

¹ См., например: А. Хийр. К 150-летию библиотеки Тартуского университета.— «Библиотекарь», 1952, № 11, стр. 42—45; Т. Зуева. 150 лет ценного книгохранилища.— «Библиотекарь», 1954, № 3, стр. 41—43; А. Каримуллин. 150-летие Научной библиотеки Казанского университета.— «Библиотекарь», 1954, № 10, стр. 35—40; Ф. Медведчиков. 20-летие библиотеки Казахского университета.— «Библиотекарь», 1954, № 10; стр. 41—43.

² См.: И. В. Мишарев. Библиотека в помощь научной работе.— Вестник высшей школы, 1953, № 8, стр. 46—47.

³ См.: Н. А. Вильчур. Некоторые вопросы работы библиотек высших учебных заведений.— «Библиотекарь», 1955, № 1, стр. 37—43; № 2, стр. 15—23.

разность этого разделения функций была подтверждена самой жизнью, когда в годы Великой Отечественной войны учебная библиотека МГУ была эвакуирована вместе с университетом в Ашхабад и там многое сделала для того, чтобы учебный процесс протекал нормально. Авторы статей по истории библиотек, не принимавшие непосредственного участия в дискуссии, тоже косвенно подтверждали полезность дифференцированного обслуживания, когда отмечали, что оно с успехом применяется во многих библиотеках¹.

Работники библиотек, в которых не было подразделения на фундаментальные и учебные, не видели практической необходимости и возможности осуществить такое разделение. Их взгляды были близки к позиции И. В. Мишарева. Так, Ф. Медведчиков—директор библиотеки Казахского университета и сотрудница той же библиотеки В. Овсянкина отмечают в своей статье, что в вузах Алма-Аты нет самостоятельных фундаментальных и учебных библиотек. Авторы признают рациональной организацию библиотек учебных пособий только тогда, когда какие-то части учебного заведения (факультета, отделения) находятся далеко от фундаментальной библиотеки. Об этом же писала заведующая библиотекой Киевского технологического института легкой промышленности Т. Иванова². Учебные отделы или филиалы в небольших вузовских библиотеках (с книжным фондом в 100—200 тысяч томов и 2—3 тысячами читателей,—а такие библиотеки составляют большинство в высшей школе) Т. Иванова считает неэкономичными. Но и она признает необходимость выделения фонда учебников в общем книгохранении и необходимость организации «дополнительного абонемент», т. е. дополнительной точки выдачи литературы в определенные периоды учебного года (в начале года, в конце, во время экзаменационных сессий).

Близкую к Ф. И. Медведчикову, И. В. Мишареву позицию занимал А. П. Селигерский в своем исследовании системы библиотечных фондов³.

¹ См.: Е. Спирина. 200-летие библиотеки Московского университета.—«Библиотекарь», 1955, № 5, стр. 28—35; В. Архангельский. 135 лет библиотеки инженерной академии.—«Библиотекарь», 1955, № 8, стр. 40—45.

² См.: Ф. Медведчиков, В. Овсянкина. Некоторые замечания о работе вузовских библиотек.—«Библиотекарь», 1955, № 10, стр. 42—43; Т. Иванова. Об учебных библиотеках вузов.—«Библиотекарь», 1955, № 11, стр. 36—37.

³ См.: А. П. Селигерский. Система библиотечных фондов и их учет в высших учебных заведениях (из опыта библиотек Ленинграда). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук по библиотековедению. Л., 1956, 19 стр.; его же. О рациональной системе организации фондов вузовских библиотек.—Труды Ленинградского гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. 4, 1958, стр. 141—152.

Дискуссия на страницах журнала «Библиотекарь» о роли учебных библиотек отразила фактическое состояние сети библиотек в высших учебных заведениях и различие во взглядах библиотекарей на дальнейшее развитие этой сети.

В связи с принятием в 1958 году закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования» большее внимание стало уделяться подготовке специалистов высшей квалификации без отрыва от производства. В 1959 году прием студентов на вечерние и заочные отделения превысил прием студентов на стационар. И это сказалось на сети библиотек в каждом вузе, особенно в техническом. В связи с тем, что многие технические вузы открыли филиалы на некоторых промышленных предприятиях в своих и других городах, библиотеки должны были организовать обслуживание этих филиалов и У КП литературой. С этой целью на У КП и при филиалах были созданы пункты выдачи и филиалы библиотек. Так, к 1965 году 7 филиалов имела библиотека Саратовского политехнического института; 5—библиотека Куйбышевского политехнического; 9—Горьковского политехнического (причем 7 из них—с абонементными и читальными залами на заводах). 5 филиалов на учебно-консультационных пунктах было в библиотеке Куйбышевского сельскохозяйственного института.

В эти же годы в библиотеках вузов появились еще одна форма обслуживания—библиотеки-экспедиции. Такие библиотеки-экспедиции были организованы в Московском областном педагогическом институте, в Научной библиотеке Саратовского университета, в библиотеке Саратовского сельскохозяйственного института¹. Главное назначение этих библиотек—обеспечение студентов заочных и вечерних отделений учебниками за счет самих учащихся, оказание им помощи в приобретении вновь изданных учебных пособий.

Коренной перелом в работе библиотек высшей школы произошел после выхода Постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране». Были изданы приказы Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР о постановке работы в библиотеках высшей школы, организована Центральная научно-методическая библиотечная комиссия при МВ и ССО СССР, создан Центральный методический кабинет при Научной библиотеке Московского университета². Ректораты стали уделять больше

¹ См.: А. И. Гаврилова, С. Н. Суворкина. Двухлетний опыт работы библиотеки-экспедиции Саратовского сельскохозяйственного института.— Опыт работы библиотек вузов Саратова. Саратов, 1967, стр. 34—41. (Научн. б-ка СГУ).

² См.: В. А. Артисевич. Методическая помощь библиотеки учебных заведений.— «Советская библиография», 1960, 2(60), стр. 109—110; е е ж е. Библиотеки вузов улучшают свою работу.— Опыт работы Научной библиотеки СГУ. Вып. 4. Саратов, 1960, стр. 27—36.

внимания вузовским библиотекам. Сами вузовские библиотеки организовали на местах методические объединения и вузовские секции при межведомственных городских и областных библиотечных советах.

Сотрудники университетских и других крупных вузовских библиотек стали проводить большую исследовательскую и научную работу: они выясняют обеспеченность студентов учебной литературой, издают тематические и краеведческие библиографические указатели, уделяют много внимания рационализации и механизации библиотечных процессов, занимаются вопросами структуры и сети библиотек вуза, определяют место вузовских, в частности университетских библиотек, в системе советских библиотек¹. Особое внимание исследователи уделяют организации обслуживания читателей. В связи с этим снова обсуждаются взаимоотношения сети библиотек с фундаментальными библиотеками, состояние которых в 1959 году правильно охарактеризовала директор Научной библиотеки Киевского университета У. С. Кузьменко. Она писала, что сеть библиотек их университета состоит из 15 кабинетов профильной литературы, что кабинеты имеются на каждом факультете и межфакультетской кафедре. «Подчинены кабинеты директору библиотеки и деканам факультетов и работают там лаборанты, выполняющие и другие работы по заданиям деканов факультетов и заведующих кафедрами. Такое двойственное положение ухудшает как обслуживание читателей, так и сохранность фонда. Но изменить его директор не правомочен. Очевидно, так же обстоит дело во многих университетских библиотеках»².

Взаимоотношениями между центральной библиотекой и библиотеками факультетов, семинариев, лабораторий университета занимаются и зарубежные библиотечные деятели. Об этом можно судить, например, по статье Хавьера Лассо де ла Вега—директора библиотеки Мадридского университета³. Он рассматривает проблемы централизации и децентрализации структуры и в основном правильно отмечает преимущества и недостатки и того и другого принципа. Но, исходя из опыта западноевропейских и американских университетских библиотек, он считает, что эту проблему можно решить только тео-

¹ См.: С. К. Виленская. Университетские библиотеки СССР и их место в системе советских библиотек.— Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 2. М., 1959, стр. 56—73.

² См.: У. С. Кузьменко. Новое в структуре Научной библиотеки Киевского университета.— В сб.: Материалы научной библиотечной конференции, посвященной 50-летию юбилею Саратовского университета (24—27 сент. 1959 г.). Саратов. Изд. Сарат. ун-та, 1960, стр. 104.

³ См.: Хавьер Лассо де ла Вега. Фундаментальная университетская библиотека и библиотека факультетов.— Бюллетень ЮНЕСКО для библиотек, т. XV, № 4, 1961, стр. 210—216.

ретически. И, не видя возможности ее практической реализации, приходит к выводу, что все решения могут быть только компромиссными.

В 1962 году Т. П. Пышнова, характеризуя состояние сети библиотек в советском вузе, предложила практическое решение этой проблемы¹. Она видит перспективу развития факультетских библиотек в превращении их в отраслевые отделы фундаментальных. Только научные отраслевые отделы, приближенные к факультетам, избавят центральные библиотеки от системы отраслевых читальных залов и низведут кафедральные до положения небольших справочных фондов. Такое решение структуры фундаментальных библиотек меняет взаимоотношения внутри всей вузовской сети библиотек. Мы согласны с автором в том, что рационально организованная фундаментальная библиотека с отраслевыми филиалами на факультетах вполне может удовлетворить все потребности кафедр в литературе с помощью передвижек из справочной литературы. Поддерживая принцип централизации всей «внутренней работы» библиотеки, т. е. всей работы по подготовке фондов к использованию читателями, Т. П. Пышнова выступает за дифференцированное децентрализованное обслуживание. Настаивая на необходимости подчинения фундаментальных и учебных библиотек единому руководству, Т. П. Пышнова признает в то же время и сложность осуществления своего предложения в тех случаях, когда в вузе исторически сложились две параллельные научные библиотеки (хотя одна из них и продолжала называться учебной), как это произошло, например, в Харьковском, Одесском и Львовском университетах.

В 1966 году этот вопрос был решен официально: по постановлению Министерства высшего и среднего специального образования СССР учебные библиотеки должны были подчиняться фундаментальным. Судьба же кабинетских и кафедральных библиотек до сих пор в каждом вузе решается по-разному. О том, что это очень сложная проблема, говорят и материалы, собранные Научной библиотекой СГУ в 1965 году в связи с подготовкой и проведением зонального семинара-конференции вузовских библиотек Поволжья, в частности ответы на анкету, предложенную участникам конференции за несколько месяцев до ее проведения. Своими взглядами о постановке работы в кабинетских и кафедральных библиотеках поделилось примерно 40% опрошенных. По их ответам можно было судить и о том, как конкретно, на практике решался этот вопрос в каждом высшем учебном заведении, которое они представляли. Вырисовывалась и общая картина, характерная для всей зоны.

¹ См.: Т. П. Пышнова. К вопросу о структуре университетских библиотек.— Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 21. М., 1962, стр. 34—47.

Стремление к централизации сети библиотек весьма ощутимо в вузах Поволжья, но в них сохраняются и традиционные взаимосвязи в организации работы фундаментальных и кабинетских библиотек. Некоторые институты имеют самостоятельные кафедральные библиотеки, выполняющие роль отраслевых филиалов фундаментальной, но одновременно на других кафедрах организованы передвижки. Например, в Казанском химико-технологическом институте 3 библиотеки кафедр общественных наук имеют 25-тысячный фонд. Фактически это отраслевые филиалы. А на 30 кафедрах — передвижки с фондом от 30 до 100 книг справочной и учебной литературы. В Горьковском инженерно-строительном институте 2 кабинетские библиотеки с читальными залами и самостоятельными фондами: кабинет марксизма-ленинизма — с фондом в 10000 томов и кабинет политэкономии — с фондом в 2000 томов. Одновременно имеется 18 библиотек с фондом от 100 до 1000 томов, которые комплектуются централизованно.

В педагогических институтах значительные фонды сосредоточены в кабинетах гуманитарных факультетов. Например, в Елабуге восемь самостоятельных кабинетских библиотек: кабинета основ марксизма-ленинизма, кабинетов русской и зарубежной литературы, педагогики и психологии, татарского языка и литературы, русского языка, математики, иностранных языков, медицинской подготовки.

Сохранились кабинеты как самостоятельные библиотеки и в некоторых университетах, например, в Мордовском (кабинеты общественных наук, литературы, педагогики, математики).

Почти все вузы, библиотечные работники которых ответили на анкету, имеют библиотеки на кафедрах. Но количество таких библиотек даже в родственных по профилю институтах различно. Например, в Горьковском политехническом — 39 передвижек на кафедрах, в Волгоградском — 15, в Саратовском — 49, в Куйбышевском — 26, в Горьковском институте инженеров водного транспорта — 45 передвижек на кафедрах и в лабораториях и 13 на учебно-консультационных пунктах факультетов заочного обучения, в Куйбышевском плановом — 10, в Саратовском юридическом — 13, в Ульяновском сельскохозяйственном институте — 20, в Ярославском технологическом — 20, в Костромском технологическом — 22.

На вопрос анкеты о том, какую библиотечную работу ведут кабинетские и кафедральные библиотеки, для того чтобы нормально протекал учебный процесс в вузе и научная деятельность на кафедрах и в лабораториях, тоже получены довольно подробные и разнообразные ответы. В одних случаях эти библиотеки ограничиваются подбором литературы, в других — ведут большую библиографическую и информационную работу. Большую помощь в этом отношении они получают от

фундаментальных библиотек. Например, библиотека Новочеркасского политехнического института помогает кафедральным в организации обслуживания читателей, Куйбышевского авиационного института—в составлении картотек по тематике научной работы кафедр. В Таганрогском радиотехническом институте в одной из лабораторий есть в штате библиограф, с которым координируют свою работу сотрудники фундаментальной библиотеки. В Саратовском университете всей сетью библиотек руководит кабинет библиотековедения¹.

Заключение

Советские высшие учебные заведения за 50 лет Советской власти подготовили миллионы инженеров, врачей, педагогов, агрономов, работников искусств, ученых и других специалистов. Большую помощь в этом деле они получали и получают от вузовских библиотек, сеть которых в нашей стране значительно выросла: по переписи 1960 года их число достигало 800 с фондом в 172 миллиона библиотечных единиц, что составляло 22% от общего фонда всех библиотек страны².

Вузовские библиотеки стали крупными научными учреждениями, строящими свою деятельность на строго научных принципах, выработанных советским библиотековедением. Главными руководящими документами для них, как и для всех библиотек СССР, являются Программа КПСС, Постановления Пленумов ЦК КПСС, а также партийные документы (особенно Постановление ЦК КПСС от 1959 года «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране»), указания Министерства высшего и среднего специального образования СССР, а также других ведомств, имеющих в своем подчинении учебные заведения.

Очень ценна для библиотек высшей школы методическая помощь со стороны Центральной научно-методической библиотечной комиссии Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Центрального методического кабинета Научной библиотеки Московского университета, которыми за последние 7 лет разработаны и утверждены такие важные документы, как «Положение о библиотеке высшего учебного заведения», «Инструкция по библиотечной технике для библиотек высших учебных заведений», подготовлен и

¹ См.: Н. П. Никитина, М. Ф. Белякова. Из опыта работы научно-методического кабинета библиотековедения Научной библиотеки СГУ.— Опыт работы Научной библиотеки СГУ. Вып. 14. Саратов, 1967, стр. 1—80.

² См.: М. М. Полубояринов. Библиотеки СССР в 1960 году. (Некоторые цифры и факты).— Библиотеки СССР. Опыт работы. Вып. 19, М., 1962, стр. 5—14.

издан справочник «Библиотеки высших учебных заведений СССР», изданы методические письма «Идейно-воспитательная работа библиотек высших учебных заведений», «Информационная работа вузовской библиотеки» и другие ценные методические материалы. Большую роль сыграл Всесоюзный общественный смотр библиотек в честь 50-летия Великого Октября, который способствовал активизации различных методических объединений библиотекарей в городах, например, таких, как вузовские секции в межведомственных советах.

Библиотеки высшей школы в настоящее время ориентируются в своей деятельности на планы учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы высших учебных заведений, для лучшей реализации которых они постоянно совершенствуют свою структуру и сеть в вузе.

Познакомившись с тем, как происходило становление сети библиотек в вузе и со взглядами теоретиков и практиков библиотечного дела на ее развитие, можно прийти к заключению, что наиболее перспективна и оправдана дифференцированная организация обслуживания читателей.

Учитывая в то же время все усиливающуюся тенденцию к централизации сети, можно сделать вывод, что это развитие пойдет по линии филиальной системы, что виды филиалов будут изменяться в зависимости от изменений самих высших учебных заведений, от постановки в них научной работы и учебного процесса.

Получат развитие такие виды библиотек-филиалов, как патентные отделы в технических вузах, филиалы научно-технической литературы в университетах. В технических, сельскохозяйственных, медицинских и некоторых других отраслевых вузах уже работают отделы или филиалы художественной литературы. Есть массовая библиотека как филиал Научной библиотеки им. А. М. Горького в Московском университете. И у этого вида библиотечного обслуживания читателей в вузах есть перспектива развития. Библиотеки-экспедиции, работающие сейчас в нескольких вузах как экспериментальные, могут сохраниться и в дальнейшем будут оказывать помощь будущим специалистам-студентам в комплектовании их личных библиотек.

Практика подсказывает и перспективу развития тех отделений научных библиотек, которые созданы в филиалах технических и других вузов, размещенных в различных городах. Как в 30-е годы библиотеки факультетов и кабинетов послужили базой для основания новой сети вузовских библиотек, так и многие библиотеки-филиалы будут базой для новых научных библиотек. Централизованно комплектуя их фонды, научные библиотеки должны учитывать эти перспективы и сегодня заботиться о подборе научной, справочно-библиогра-

фической литературы и информационных изданий в фонды таких филиалов.

Назрела необходимость в урегулировании взаимоотношений между центральной (научной) и сетью библиотек в вузе. Для этого, по нашему мнению, прежде всего необходимо внести изменения в «Типовое положение о библиотеке высшего учебного заведения». Головную библиотеку, исходя из ее типового определения в советской классификации библиотек, из характера ее научной деятельности и руководящей роли по отношению к другим библиотекам, правильнее всего было бы именовать научной¹. Кроме того, необходимо разработать типовое положение о сети вспомогательных библиотек в вузе, где бы давалась ее примерная структура, определяемая видом учебного заведения, которое эта сеть обслуживает (многопрофильный технический вуз, сельскохозяйственный, медицинский, педагогический или другой отраслевой институт).

Готовясь достойно встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, вузовские библиотеки должны стремиться к тому, чтобы ленинские принципы постановки библиотечного дела в стране успешно развивались и претворялись в жизнь.

Для этого у них есть все условия.

¹ См.: О. С. Чубарьян. Общее библиотековедение. М., «Советская Россия», 1960, стр. 60—61.

В. И. ЛЮБЕНКО

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ В ФОНДАХ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

В конце 1965 года, при описании части рукописного фонда, в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки СГУ была обнаружена относящаяся к периоду крестьянской войны 1773—1775 гг. рукопись «Журнал полковника Василия Бибикова» (инв. № 3259).

Рукопись ранее принадлежала академику В. Н. Перетцу, работавшему в 30-х гг. в Саратове над рукописным собранием И. А. Шляпкина¹. Его рукой на обороте переднего форзаца книги написано карандашом: «В. Перетц 1925/XII 10». Автограф Перетца сделан на месте почти стертой карандашной записи, где можно разобрать лишь конец фразы: «...из библиотеки Бильбасова... 75 руб...». Другим почерком и более четко сделана карандашная запись в конце книги на заднем форзаце: «Из библиотеки Бильбасова 75 9 XII 98». На внутренней стороне нижней крышки переплета внизу приклеен фирменный ярлык книжного магазина В. И. Клочкова.

Описываемый памятник представляет собой рукописную книгу размером 32,8×20,4 см в коричневом кожаном переплете XVIII века; на корешке—тиснение с сокращенным названием: «Журнал П. В. Б.». Всего в рукописи 200 листов (лл. 62, 130, 152, 182, 199 и 200 — чистые). При переплете листы оказались во многих местах перепутанными, не имели пагинации. Для удобства пользования рукописью листы пронумерованы автором настоящего описания в том порядке, в каком они расположены в книге.

Написан «Журнал» несколькими канцелярскими почерками. Каждый лист, как было принято в тогдaшнем делопроизводстве, разграфлен². Справа и слева оставлены поля. Узкая

¹ В отделе сохранился машинописный список рукописей, принадлежавших В. Н. Перетцу, где среди других рукописей в лист под № 57 записано: «Журнал полк. Бибикова (о Пугачеве) XVIII в.».

² Не разграфлены чистые листы, листы приложений и вся третья часть «Журнала» (лл. 153—198), написанная начерно.

графа предназначалась для проставления даты, когда делалась запись, широкая — для самой записи. В начале каждого месяца на поля выносились итоговые краткие записи, подводящие итог текущей канцелярской переписке за данный период и заключающие в себе сведения о количестве поступивших с мест бумаг и донесений, о их содержании, об основных событиях, военных столкновениях, действиях повстанческих отрядов, передвижениях правительственных войск, хозяйственных распоряжениях.

Обнаруженная в библиотеке СГУ рукопись является одним из сохранившихся до нашего времени экземпляров официального журнала распоряжений, которые делались в «канцелярии Главного заводов правления» Екатеринбургского горного ведомства в период с 7 октября 1773 г. по 31 марта 1775 г. Главным «начальником», или «командиром», этой канцелярии, «управителем» уральских горных заводов с января 1769 г. был полковник Василий Бибиков, в руках которого в период крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева была сосредоточена вся административная и военная власть¹.

Находящийся в нашем распоряжении список «Журнала» является, по всей вероятности, тем экземпляром, который оставался на месте в Екатеринбурге, в то время как другие его копии отправлялись в центральные правительственные учреждения и официальным лицам, о чем в «Журнале» имеются соответствующие записи (см. лл. 97 об.—98; 100—100 об.; 170 об.; 180 об., 183). В пользу высказанного выше предположения о том, что данный список «Журнала» является местным, говорит и то, что последняя его часть (лл. 153—198) представляет собой черновик с обильной правкой, сделанной разными почерками. Вряд ли подобного рода черновые записи могли отправляться куда-либо за пределы канцелярии в другие официальные инстанции.

В силу своего официального происхождения «Журнал», естественно, является источником односторонним и весьма тенденциозным, освещающим события крестьянской войны с точки зрения правительственного лагеря. К тому же записи «Журнала» носят по преимуществу ограниченный, локальный характер. В них зафиксированы главным образом действия местной администрации по подавлению восстания на тер-

¹ В. Бибиков был начальником екатеринбургского гарнизона; в его распоряжении находились отряды всего ведомства, сибирские воинские команды, присланные для подкрепления в Екатеринбург в начале января 1774 г., все «казаки», набранные на зауральских заводах и в слободах, а также сформированный в Екатеринбурге из волонтеров гусарский отряд. Неограниченные полномочия Василия Бибикова были подтверждены специальным распоряжением главнокомандующего А. И. Бибикова от 11 марта 1774 г. (см.: Пугачевщина, т. III, М.—Л., 1931, стр. 246—247).

ритории Екатеринбургского ведомства. В записях «Журнала» почти не нашли отражения военные действия и общий ход событий в масштабе всего восстания.

Тем не менее сообщения о том, что делается на местах, каково настроение населения, данные о численном составе, передвижениях и боевых действиях правительственных отрядов и команд по подавлению восстания, о взаимоотношениях с нерусскими народностями, а также и многие другие свидетельства, характеризующие военно-политическое и хозяйственное положение края в период восстания,— все это представляет несомненный интерес.

При критическом анализе, в сопоставлении с другими источниками, «Журнал полковника Василия Бибикова» может дать интересные сведения для освещения событий крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева в одном из важных ее очагов — на Среднем Урале.

«Журнал» до сих пор не опубликован, но имеющиеся в центральных библиотеках и архивах его экземпляры¹ хорошо известны историкам пугачевского движения. Они не раз цитировались в работах М. Н. Мартынова, В. В. Мавродина, Ю. А. Лимонова и других исследователей².

Ни характер источника, ни его объем не позволяют надеяться на его скорое опубликование в полном виде. Между тем ознакомление с ним нам представляется весьма полезным.

Автор настоящей статьи не ставит своей задачей дать источниковедческий анализ «Журнала» или конкретное исследование крестьянской войны на Урале. Цель ее значительно уже. Автор хочет информировать читателя, интересующегося историей пугачевского движения, о характере и содержании найденной рукописи, привлечь к ней его внимание.

¹ См., например, рукописный «Сборник материалов по крестьянской войне Е. И. Пугачева» (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отд. рукописей, Эрмитажн. собр., № 352, лл. 35—100), где находится лишь первая часть «Журнала» за период от 7 октября 1773 г. до 31 марта 1774 г.; ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 343/1082. Бумаги кн. Вяземского. Журнал полковника В. И. Бибикова.

² См.: М. Мартынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов на Урале.— «Исторический журнал», 1943, № 5—6, стр. 34; его же. Саткинский завод во время восстания Ем. Пугачева.— «Исторические записки», т. 58, 1956, стр. 222; В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I, Л., 1961, стр. 15 (здесь «Журнал» почему-то отнесен к запискам современников о пугачевском восстании). Уже после сдачи рукописи настоящей статьи в печать в издательстве Ленинградского университета вышел второй том коллективной монографии «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева» (Л., 1966). В гл. VI, написанной Ю. А. Лимоновым, впервые широко использованы и обстоятельно проанализированы материалы первой части «Журнала» Бибикова (по списку Эрмитажн. собр. ГПБ), что позволило автору дать более полную по сравнению с прежней литературой картину хода пугачевского движения на Среднем Урале.

В приводимых в тексте статьи цитатах в основном сохранены языковые особенности и орфография оригинала. Вышедшие из употребления буквы заменены соответствующими буквами современного алфавита, «ъ» в конце слов опущен, знаки препинания расставлены автором. Пропуски в цитатах обозначаются угловыми скобами.

Рукопись состоит из трех различных по своим внешним признакам и по содержанию частей. Ниже дается их краткое описание.

Первая часть «Журнала» содержит записи распоряжений с 7 октября 1773 г. по 31 марта 1774 г. Она открывается следующим заголовком: «Журнал полковника Василья Бибикова в Екатеринбурге в продолжение замешательств от изменнической Пугачева толпы» и насчитывает 63 листа (лл. 1—40, 49—61). Хронологически и по содержанию к ней относятся также 11 листов различных приложений (лл. 63—72, 129).

Эта часть «Журнала» представляет собой беловик, написанный мелким писарским почерком. Как видно из пометок (см. лл. 97 об.—98 и 100—100 об.), копии ее были направлены 28 мая 1774 г. в Сенат и 2 июня 1774 г.—руководившему военными действиями против Пугачева генерал-поручику князю Ф. Ф. Щербатову.

Записи, сделанные в первой части «Журнала», хронологически отражают первый этап крестьянской войны (по принятой в советской исторической науке периодизации). Это был в то же время период наиболее напряженной борьбы между повстанческими отрядами пугачевского атамана И. Н. Белобородова и правительственными войсками как непосредственно в районе самого Екатеринбурга, так и на всей территории Екатеринбургского горного ведомства. Все это получило свое отражение в «Журнале».

Первые известия о начавшемся на Яике восстании Пугачева, о движении его к Оренбургу, о его «манифестах» были получены в Екатеринбурге в начале октября 1773 г. Записью от 7 октября, содержащей эти общие сведения, и начинается «Журнал». Приведем эту запись полностью: «Когда получено известие от господина исетскова воеводы статскова советника Веревкина о собравшейся под Оренбург воровской толпе, то тогда ж уведомлены были господа генерал-порутчик и кавалер Деколонг и сибирской губернатор с требованием сюда помощи военными людьми, которых в Екатеринбурге почти нисколько не было, чтоб в случае воров разсеяния сохранить можно было целость Екатеринбургского ведомства. А от господина Веревкина прошено продолжать о том уведомления, о чем и господину генерал-прокурору и кавалеру князь Александр Алексеевичу Вяземскому репортовано».

Далее говорится о том, что «о главном воре Пугачеве заводская канцелярия сведома была год прежде еще сего и писала также к астраханскому и казанскому господам губернаторам о пресечении переговоров в их губерниях о присваиваемом воров названии» (л. 1).

В первое время, пока восстание не перешло на территорию Екатеринбургского ведомства, местные власти, по-видимому, еще не придавали выступлению Пугачева серьезного значения. Записи в «Журнале» лаконичны, касаются мелких вопросов¹. Однако некоторые меры предосторожности принимаются. Даются распоряжения об «исправлении ветхостей у ружей и артиллерии» (л. 2), о высылке пикетов по Исетской границе и «к Башкирии» (лл. 2 об.—3), об обучении «к ружью крестьян» (л. 3), об укреплении отдельных заводов и другие.

Наибольшее беспокойство у администрации вызывало настроение местного населения и все разрастающиеся слухи о восстании. Распространению их на территории Екатеринбургского ведомства в сильной мере способствовали появившиеся здесь «указы Петра III».

Чтобы выяснить настроение населения и для «пресечения слухов» уже в октябре посылаются в разных направлениях представители екатеринбургской администрации. Например, 10 октября 1773 г. записано: «Командированы объехать Екатеринбургское ведомство надворной советник Охлябинин, ассесор Мосолов и капитан Ераполской, под видом осмотра крестьянского домостроительства, но приказано примечать их мысли и всем заводским канторам удвоить у себя строгость полиции...» (л. 1 об.).

Подобного же рода запись сделана 31 октября: «К пресечению разных о ворах толков, для объявления пристойным образом об них в здешних заводах и селениях, с подтверждением иметь предосторожность, а подозрительных ловить, командированы надворной советник Охлябинин, пример-майор Пирогов и ассесор Башмаков...»² (л. 2 об.).

По мере нарастания крестьянской войны и приближения опасности тревога екатеринбургских властей усиливается. В декабре 1773 г. записи в «Журнале» становятся более подробными и содержательными. В течение декабря продолжают поступать известия от исетского воеводы «о распространяющемся бунте в Оренбургской губернии» (л. 3), о занятии восставшими Саткинского и Златоустовского заводов. В то

¹ Записи в октябре и ноябре занимают в «Журнале» всего 2,5 листа.

² И. Пирогов и М. Башмаков были членами Главной канцелярии Екатеринбургского ведомства. О М. Башмакове см. специальную статью Н. К. Чулина «Член Екатеринбургской горной канцелярии М. И. Башмаков и действия его во время Пугачевщины» (Сборн. статей, касающихся Пермской губ. т. I, 1882).

же время в канцелярию поступают многочисленные рапорты с мест от офицеров, посланных во главе пикетов, о «злодейских стремлениях на тамошние заводы и селении», о подметных «воровских указах» (л. 3 об.). Власти предписывают продолжать «разведывание о воровском движении и наблюдение» (л. 3 об.), отдают распоряжения собирать сведения о количестве имеющегося на заводах оружия, соблюдать меры предосторожности.

Наиболее интересные распоряжения и подробные записи о них в «Журнале» начинаются с января 1774 г., в период, ознаменовавшийся исключительным подъемом народного движения на Среднем Урале. В это время восстание уже охватило западную и южную части Екатеринбургского ведомства; непосредственная опасность нависла и над самим центром горнозаводской промышленности Урала — Екатеринбургом¹.

Город оказался в почти замкнутом кольце восставших заводов и селений. Расчет И. Н. Белобородова — одного из виднейших сподвижников Пугачева — оказался правильным: большая часть заводов с приписанным к ним населением перешла на сторону восставших; многие крепости также сдались без боя.

Горячее сочувствие населения восставшим отражено во многих записях «Журнала». Так, 4 января записано: «Получено известие чрез Каслинского заводского служителя, что Кыштым и Касли на 4-е число в ночь взбунтовали и офицеров всех перевязали и из них Ярцова подкололи, а он спасся оттоль бегством...» (л. 8). Далее в этой же записи сообщается, что «большая часть здешних сил в Кыштыме сообщились с злодеями» (л. 8). 12 января записывается, что «Бисерского завода жители ушли воров встречать». А капитан Ерапольский, находившийся в то время со своей командой на Шайтанском заводе, «отозвался», что «жители доброжелательствуют болше вора́м, что злодеи, усиливаясь, приближаются к Екатеринбург» (лл. 11—11 об.). Направляемые посланным на подавление восстания воинским командам приказы «воров выгнать, а склонных к ним жителей раззорить» (л. 8) не производили должного действия.

В записанных в «Журнале» распоряжениях не видно никакого единого плана. Даются указания о том, чтобы спасти

¹ Ход событий, развернувшихся в это время на Среднем Урале и под Екатеринбургом, достаточно изучен и освещен в литературе. См.: Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II—III, СПб, 1884; кроме указанных двух статей М. Н. Мартынова, см. его книжку «Пугачевский атаман Иван Белобородов» (Пермь, 1958); Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Пугачев и его сподвижники. М.—Л., «Наука», 1965; Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. II, Л., 1966, стр. 292—319

от «злодейского хищения» или уничтожить оставшийся помещичий хлеб (л. 10). По единственной, оставшейся еще не занятой повстанцами Верхотурской дороге, отправляют из Екатеринбурга «лутчих монетных мастеровых» (л. 11 об.). Не доверяя населению, приказывают «вывести в Невьянской завод из Краснополской слободы пушки, ружья, бердыши, копья и порох, и хотя там приближения бунтовщиков еще не было, но чтоб нечаянно иногда воры не захватили оногo, да и сами крестьяня по общему подозрению не употребили иногда того во зло» (л. 11 об.).

Полковник Бибилов в своих рапортах и донесениях начальству рисует безнадежную картину положения в Екатеринбурге и без конца просит помощи¹.

Действительно, до середины февраля 1774 г. Екатеринбург не располагал реальными силами, достаточными для того, чтобы потушить поыхавший вокруг него пожар восстания. Но, как видно из распоряжений екатеринбургского начальства, в этот напряженный период даже имевшиеся силы использовались неумело.

Эти силы дробились на мелкие отряды, разъезды и пикеты. Часть из них была сразу же разбита восставшими. Другие перешли на сторону пугачевцев или готовились это сделать. Так, один из командиров правительственных войск поручик Озеров, «находясь в Щелкуне, увидел не весьма хорошее усердие своих подчиненных к поиску воров и потому от переговоров подозревал их. Чтоб не быть от них преданным, репортовал о невозможности исполнить с ними повеление...» (л. 12). Еще до этого поступило известие, что «казаки из крестьян», присланные сибирским губернатором Чичериным под командой майора Чубарова, «согласясь с ворами, последовали им» (л. 10).

Попытки правительственных отрядов разгромить основную базу Белобородова—Шайтанский завод—в этот период не увенчались успехом. Из разных мест продолжают поступать сообщения о том, что «крестьяне намеряются последовать ворами» (л. 22 об.). Как и военные действия карателей, не имеет успеха и правительственная агитация—обращенные к крестьянам увещания, «чтобы они пребывали в верности непоколебимы» (л. 19).

В течение января и первой половины февраля город Екатеринбург находится на военном положении. Смотрителям города «велено репортовать каждый день о целости и без билетов из города никою не выпускать» (л. 18). Строго наказывают следить, «чтоб при караулах везде были офицеры

¹ Эти просьбы о помощи «екатеринбургских заводов командира» повторялись до самого конца восстания, когда непосредственная угроза Екатеринбургу уже давно миновала.

безотлучно» (л. 28 об.). В целях поддержания порядка прекращена свободная продажа вина, «приказано и хмель весь в городе запечатать» (л. 29).

К середине февраля 1774 г. положение Екатеринбурга значительно улучшилось. Еще 12 февраля присланному в помощь Василию Бибикову генералом Деколонгом секунд-майору Фишеру было предписано «произвести удар на Шайтанку <...> и разорить столь опасное для города воровское гнездо» (лл. 26—26 об.). Взятие правительственными войсками Шайтанского завода 14 февраля и успешные действия отрядов Фишера, Гагрина, Озерова, Костина и других создали заметный перелом в ходе крестьянской войны на Среднем Урале.

Получив значительное подкрепление, екатеринбургские власти переходят в наступление, все чаще применяя тактику уничтожения мятежных селений. Так, поручику Озерову «бунтующие деревни <...> велено выжечь, скота ж и хлеб вывезть сюда...» (л. 27). Капитан Порецкий 23 февраля получает задание «освободить скорее Бобровку от набегов и разорить Ключевскую деревнишку, откуда к ней вору приходят» (л. 33 об.). В распоряжении от 27 февраля «Фишеру предписано, выжегши Белоярскую слободу как опасное гнездо для Екатеринбурга, проследовать на Каменской завод...» (л. 35). Немного погодя, Фишер и Гагрин получают приказ «следовать на разорение злодейского гнезда в Каслях и Кыштыме» (л. 39 об.).

Применяя «на страх другим» жестокие карательные меры, власти в то же время стараются отколоть от восставших колеблющуюся часть населения. В распоряжениях этого времени часто предлагается обращать особое внимание на те селения, «где крестьяне колеблются» и, что можно, «стараться отвращать» (л. 30). Рекомендуются «усмирять бунтовщиков строгостию и ласкою», остерегаясь при этом, чтобы под видом «раскаившихся» не проникли «подсмотришки» (л. 34).

В период, когда непосредственная угроза нападения на Екатеринбург миновала и районы активных действий повстанцев все более отдалялись, в «Журнал» стали записываться распоряжения хозяйственного порядка — о расчистке дорог, уничтожении ненужных укреплений, подвозе хлеба и другие.

Одновременно начинается расследование причин и выявление виновников перехода заводов на сторону восставших. Начальникам команд даются предписания «отобрать у всех бывших верное сведение и под присягою, каким образом завод в руки злодеев отдан...» (л. 52 об.). Отличившихся в военных действиях против повстанческих отрядов офицеров

повышают в чинах, а солдатам выдают денежное «награждение» (размером от двугривенного до 1 рубля).

Стараясь предупредить дальнейшее распространение недовольства среди населения, власти пытаются жалкими подачками возместить его материальные потери. Командированному в крепости по Московской дороге ассессору Метлину поручалось «удовлетворить тамошних крестьян бедность по долгому пребыванию у них злодеев, так и по неурожаю в тамошнем крае хлеба, во избежание нового зла, <...> для чего и выдано ему из казны двести рублев...» (л. 49).

Последняя запись в первой части «Журнала» сделана 31 марта 1774 г. К этому времени восстание на Среднем Урале уже было в основном подавлено, хотя силы народного движения, особенно национально-освободительного движения нерусских народностей Башкирии и Зауралья, были еще далеко не исчерпаны. В записях «Журнала» то и дело встречаются известия «о толпящихся ворах башкирцах» (л. 57) и об активизации движения башкир против царских властей.

В конце первой части «Журнала» помещено восемь приложений, расположенных в хронологическом порядке. Это четыре объявления «от армей полковника Бибикова», «Известие о учиненных поисках над злодеями», «Перечень из репорта» майора Фишера и текст двух присяг. По мере появления этих бумаг в «Журнале» делалась краткая запись, где излагалось основное содержание и указывалось назначение записанного документа. Каждое приложение в этих записях обозначено одной из первых букв латинского алфавита.

В наиболее напряженный для Екатеринбурга и всего ведомства период полковник Бибиков, наряду с принятием различных мер военного характера, занимался сочинением «увещательных» объявлений, предназначенных для обнародования. В них сообщались краткие сведения о ходе восстания, полученные от командования или с мест, после чего следовали обращенные к «черни» призывы в духе и стиле правительственной агитации того времени.

Например, в первом «объявлении» сообщается о полученном от главнокомандующего А. И. Бибикова известии о взятии правительственными войсками Самары. Далее следуют «увещевания», в которых грубо извращаются причины и характер народного движения. Все приписывается «злодеям», которые «большую частию есть башкирцы, стремящиеся оскорбить нашу православную веру <...>, похитить и осквернить наших жен и детей, не говоря уже о имени...» (л. 63). Документ заканчивается подписью: «Подлинное подписал полковник Василей Бибиков» (л. 63 об.)¹.

¹ Выдержки из первого и других «объявлений» Бибикова приведены в сочинении Н. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (т. II, стр. 338—339 и 347—348).

Второе «объявление» (л. 65) содержит сообщение о том, что «от Кунгура известные злодеи совершенно отражены <...>, теперь нет там опасности нималой...» В таком же нарочито бодром тоне написаны Бибиковым и остальные «объявления» о действиях отрядов Озерова, Костина и Фишера и о их воинских «успехах». Например, в последнем из «объявлений», датированном 22 февраля 1774 г., говорится: «Из многих мест и здешнего ведомства распространившиеся злодеи посланными от меня командами с помощью божиею разогнаны и те селения, в которых они или жили или прибежище имели, разорены <...> и многое число оттуда плутов бунтовщиков захвачено, ис коих злейшим в 20 день сего месяца в Екатеринбурге и смертная виселицею казнь учинена...» (л. 70).

На лл. 66—68 в приложениях помещено «Известие о учиненных поисках над злодеями», где содержится подробный, но весьма тенденциозный рассказ о двух сражениях правительственных отрядов Ерапольского и Костина (как известно, неудачных) под Шайтанским заводом¹. Это «известие», так же как и «объявления» Бибикова, было «читано в церкви» при большом стечении народа.

В приложениях имеется также неоконченное переложение весьма пространного рапорта майора Фишера о «действиях против воров» в последних числах февраля и в начале марта 1774 г. (лл. 71—72).

И, наконец, здесь приложен текст двух «присяг», или «клятв». Первая из них сочинена в начале 1774 г., в наиболее тревожное для екатеринбургских властей время, самим полковником Бибиковым по специально разработанной им форме². «Присяжные листы» с текстом этой «клятвы» были разосланы в команды, заводы и слободы «для приводу всей черни по ним к присяге» (л. 16).

Текст второй присяги представляет собой «экземпляр», полученный в Екатеринбурге из центра. В период начавшихся военных поражений повстанцев, когда количество арестованных непрерывно росло, правительство разрешало часть из них освобождать под подписку. Эта «клятва-подписка» заканчивалась словами: «Ежели ж кто из нас, забыв страх божий и презрев великую милость от ее и. в. <...>, по-прежнему ж прилепится к злодеям, под каким бы то видом не было <...>, то за такового изменника одного — весь десяток каз-

¹ На этот документ ссылается М. Н. Мартынов в своей статье «Пугачевский атаман Иван Белобородов на Урале» («Исторический журнал», 1943, № 5—6, стр. 35).

² Текст этого документа полностью приведен в соч. Н. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (т. II, стр. 338); от нашего списка он отличается лишь незначительными разночтениями грамматического характера.

нить нас смертью. А дабы сие у всех нас было в памяти, то каждой десяток должен у себя иметь копию с сей нашей подписки и читать пред своими по всем праздникам и воскресным дням» (лл. 129—129 об.)¹.

Таково краткое описание приложений к первой части «Журнала».

Вторая часть «Журнала», озаглавленная «Продолжение журнала полковника Василья Бибикова в Екатеринбурге в замешательства от изменнической Пугачева толпы», велась в течение последующих 6 месяцев—с 1 апреля по 30 сентября 1774 г.

Во второй части всего 85 листов (лл. 121—128; 73—120; 131—138; 41—48; 139—151). Написана она набело, крупным канцелярским почерком. Как видно из сделанных в «Журнале» записей (см. лл. 170 об., 180 об., 183), копии обеих его частей, составившие единый реестр распоряжений «с начала происходящего замешательства» по октябрь 1774 г., вместе с подробным отчетом «о здешних обстоятельствах», были отправлены: 23 ноября 1774 г. графу П. И. Панину, 29 декабря 1774 г.— в Военную коллегию, в начале января 1775 г.— в Берг-коллегию; тогда же, в первых числах января, была стослана в Сенат только вторая часть «Журнала», в дополнение к первой, высланной ранее.

Вторая часть «Журнала» содержит довольно подробные записи о распоряжениях екатеринбургских властей во второй и третий периоды крестьянской войны, когда восстание весной и летом 1774 г. достигло наивысшего подъема и стало общенародным, захватив огромные массы крестьянства и нерусских народностей Зауралья, Башкирии и Поволжья.

В «Журнале» в это время регистрируются и кратко пересказываются донесения и рапорты с мест, переписка с вышестоящим начальством. По этим документам можно составить представление о планах екатеринбургского военного начальства, о количестве команд и пикетов, о их вооружении. Есть здесь также сведения о силах и действиях восставших, но, как мы покажем далее, эти сведения, получаемые в основном «по слухам», в большинстве своем являются неполными, неточными и к тому же изложенными весьма тенденциозно.

Наиболее опасным для Екатеринбургского ведомства в этот период было восстание в Башкирии, разгоревшееся с особой силой весной и летом 1774 г. Оно не прекратилось и с уходом Пугачева под Казань. Этот уход в какой-то мере даже облегчал борьбу восставших башкир, поскольку он оття-

¹ Текст этой подписки опубликован в указанном сочинении Н. Дубровина (т. III, стр. 5—6).

нул из Башкирии значительную часть правительственных войск.

В период пребывания Пугачева в Башкирии карательные планы правительственного лагеря сводились к тому, чтобы именно здесь окружить и захватить Пугачева, уничтожить его основные силы. В. Бибиков должен был помогать Деколонгу и Михельсону в осуществлении этого намерения. Но, как видно из записей «Журнала», его больше заботило не решение этой главной задачи, а безопасность вверенного ему Екатеринбургского ведомства.

Правда, из донесений в центр в апреле 1774 г. видно, что «здесьние обстоятельства становятся легче» (л. 121 об.), что непосредственной угрозы Екатеринбургу после поражения отрядов Белобородова нет. Но екатеринбургские власти были полны страха перед возможным вторжением на территорию ведомства «главного вора» из находящейся по соседству мятежной Башкирии.

Этими опасениями преисполнены все записи в «Журнале» и рапорты В. Бибикова высшему командованию. Екатеринбургское начальство больше всего было обеспокоено тем, чтобы «не загнать <...> вора Башкирию в здесьние обнаженные войсками места» (л. 81), куда он «чрез Башкирь весма мѡг ворваться» (л. 96), отчего «не только умножится зло, но и совершенная настѡит гибель» (л. 82 об.). Отсюда главной целью подчиненных Екатеринбургу воинских команд было не столько преследовать Пугачева, сколько стараться его «от здесьнего ведомства отрезать» (л. 100 об.), «преградить сюда дорогу» (л. 101 об.), предотвратить «врыв бунтовщиков» в Екатеринбургское ведомство (л. 112), «не пустить злодея впасть в здесьний край» (л. 114) и вообще при всех обстоятельствах иметь «взгляд всегда на здесьние места» (л. 131 об.) на тот случай, «ежели обороты главного злодея будут склонятся и сюда...» (л. 135).

Екатеринбургские власти не без оснований опасались, что появление Пугачева приведет к новой вспышке народного восстания на территории ведомства, «поелику еще зло в здесьних крестьянах считалось не вовсе истребленным» (л. 75) и «могут еще сыскатся из Екатеринбургского уезда и доброжелатели вору» (л. 100 об.).

В записях «Журнала» встречаются сообщения относительно «продолжающихся в здесьнем ведомстве замешательств» (л. 128), о «непослушании» жителей, о появлении в отдельных местах «плутишков» (л. 91), о том, что некоторые заводы «есть мошеннические гнезда» (л. 78 об.) и т. п. Из этого можно было сделать вывод, что есть все причины «открытся прежнему бунту» (л. 120).

И все же опасения Василия Бибикова, по-видимому, были во многих случаях преувеличенными. Объяснялось это пе

столько личными качествами екатеринбургского «командира», сколько тем общим настроением, которым были охвачены дворянские верхи России, напуганные размахом народного движения.

Очевидно, большую роль играло также и то, что данные разведки и информация о местонахождении и численности повстанческих отрядов, о их планах и маршрутах движения были недостоверны. Местные власти получали сведения о противнике из самых различных источников: из рапортов заводских контор, которым поручалось регулярно доносить о состоянии дел, «разведывая о воре» (л. 106), из сообщений Пермской и Исетской канцелярий, из перехваченных «плутовских писем» (л. 103 об.), от «выбежавших ис толпы» (л. 104) и т. д.

Эти известия часто оказывались недостоверными и противоречивыми; после проверки их приходилось уточнять и исправлять. Например, 22 июня 1774 г. в «Журнале» была сделана запись: «По известию с Полевой, что Бредихин ворами атакован, писано поспешить к нему на помощь майору Броуну...» (л. 41). Но уже на следующий день, 23 июня, записано, что «опасность при Полевских заводах открылась не такова» и что «Бредихин ворами и атакован не был» (л. 41 об.). Несколько раз местные власти совсем теряли Пугачева из виду или имели о нем весьма смутные сведения («о состоянии злодея вернова известия не было» — л. 107).

Иногда явно ложные сведения распространялись по официальным каналам, вплоть до высших инстанций. Так, официальным путем было распространено ложное сообщение о гибели в бою под Троицкой крепостью виднейшего сподвижника Пугачева — И. Н. Белобородова. В «Журнале», в записи от 25 мая 1774 г., передается сообщение исетского воеводы о «разбитии вора под Троицкою и что вор Белобородов тут убит» (л. 96 об.). Из Екатеринбурга тут же было сообщено об этом казанскому и сибирскому губернаторам и главнокомандующему кн. Ф. Ф. Щербатову.

Восстание в Башкирии заставляло администрацию Екатеринбурга принимать некоторые меры, направленные к обороне города и всей территории ведомства. В самом Екатеринбурге была произведена починка городских укреплений, исправлены батареи. Городским караулам и частным командам был дан для пропуска пароль (л. 110).

Одновременно даются распоряжения о защите и укреплении границы с Башкирией. Так, посылаются указания об укреплении Сергинских заводов, «прилеглих к Башкирии» (л. 79 об.), о том, что посланные воинские команды должны «защищать от воров <...> русские селения, граничащие с Башкирью» (л. 81 об.); майору Фишеру предписывается «занять пост» в середине башкирской границы, «учредя поря-

дочно на Кыштыме и Каслях гварнизоны» (л. 80 об.) и т. д. Иногда даются и более ответственные задания. Чтобы предотвратить соединение сил Салавата Юлаева и Пугачева, подполковнику Папову¹ было предложено произвести «поиск в Башкирь на воровские скопища, дабы оными вора Салаватка усилится не допустить» (л. 82).

Однако в борьбе с «башкирцами» В. Бибиков чаще проявляет ту же «осторожность», что и в операциях против Пугачева, ограничиваясь чисто оборонительными операциями. В большинстве распоряжений содержатся требования, чтобы посланные против башкир отряды действовали вдоль границ Екатеринбургского ведомства, «не удаляясь внутрь Башкирии» (л. 138).

Карательные меры, применяемые властями в отношении нерусских народностей, сочетались с попытками отколоть от движения туземную феодальную верхушку, привлечь ее на сторону правительства. Эти попытки не были безуспешными. Они совпали с начавшимся весной 1774 г. отходом от восстания части местных феодалов, напуганных огромным размахом антифеодального движения на втором и третьем этапах крестьянской войны.

Заводской администрации и командирам отрядов было предписано относиться с вниманием к такого рода «иноверческим» элементам. В начале апреля 1774 г. майору Фишеру предлагалось «являющихся добровольно обласкивать и присылать в Екатеринбург <...> для награждения за их доброжелательство и уведомления о злодейских предприятиях» (л. 124 об.). В июле этого же года приказчику Бисертского завода было «велено ласкать» двух содействовавших получению ценных сведений черемисских старшин, «объявив им за то благодарность и что впредь за разведывание воров и награждением не остаются» (лл. 118 об.—119).

Однако правительственным властям удалось привлечь на свою сторону лишь часть местной старшинской верхушки. Другая часть старшин продолжала действовать, встав на путь борьбы уже не только против царского гнета, но и против русских вообще. Организованные этими элементами отряды башкир и мещеряков уничтожали все русские селения, сжигали хлеб, угоняли скот, разрушали заводы.

Екатеринбургские власти, будучи не в состоянии справиться с этими все учащающимися набегами, отдают распоряжения об использовании для защиты селений и для «поисков» над «ворами башкирцами» добровольцев из местного крестьянства. Десяти пограничным слободам в мае 1774 г. было при-

¹ В «Журнале» всюду пишется «Папов» (по-видимому, с ударением на первом слоге). В литературе в большинстве случаев, кроме указанной статьи Н. К. Чупина, дается написание «Попов».

казано, чтобы они «выбрали у себя охотников и при помощи команд воров искореняли» (л. 83 об.). Этим «охотникам из крестьян» посылали порох, дробь и другие боеприпасы «на поиск воров» (л. 95). Однако, по-видимому, все эти меры были малоэффективны.

Во второй части «Журнала», как и в первой, кроме распоряжений чисто административного и военного характера, содержится много записей, касающихся различного рода хозяйственных дел, таких, как снабжение команд провиантом (лл. 123, 141 об., 146 и другие), заготовка хлеба, муки, овса, сена. По этим записям нетрудно увидеть, что продовольственное положение края в рассматриваемый период было весьма напряженным.

Провиант и фураж для Екатеринбурга и воинских команд, расположенных на территории ведомства, получались из деревень и слобод, которые по «указу» заводской канцелярии должны были поставлять их. Но из-за разрухи и голода этот указ часто не выполнялся. В «Журнале» встречаются записи об освобождении от обязательных поставок некоторых слобод, «в разсуждении неимущества по настоящим замешательствам» (л. 73).

С лета 1774 г. в «Журнале» все чаще записываются распоряжения о восстановлении разрушенного в период восстания заводского хозяйства, о возвращении увезенного с заводов оборудования, железа, меди. О размерах разорения говорит одна характерная запись от 22 августа 1774 г., в которой упоминается про «Катавский завод, которой по известиям один толк во всей Башкирии от разорения остался» (л. 142).

Со второй половины 1774 г. количество записей в «Журнале» уменьшается и характер их меняется. С уходом Пугачева на Волгу центр восстания далеко отодвинулся от границ Екатеринбургского ведомства. Восстание в Башкирии в последующие месяцы тоже начинает постепенно затухать.

Но даже и после окончательного поражения Пугачева у Солениковой ватаги под Черным Яром 25 августа 1774 г. екатеринбургское начальство не может преодолеть в себе своих прежних опасений. В начале сентября В. Бибиков, возражая против ухода с территории ведомства отряда майора Жолобова, боится, что с «отсутствием ево откроется весь здешний край без защиты и, следовательно, свободной путь, ежели злодей вздумает опрокинутся паки Башкирию, а сверх того и башкирцы еще озорничат в здешних местах, не унимаются» (лл. 144—144 об.).

Известие об аресте и пленении Пугачева было получено в Екатеринбурге в ночь на 26 сентября 1774 г. На следующий день оно было сообщено генералу Скалону и передано «во все команды, заводы и слободы» с тем, чтобы оно «читано было в селениях по три праздника» (л. 149 об.).

«Уведомления» о победах над восставшими и до этого всегда рассылались «во все места, с которыми велась корреспонденция» (лл. 78—78 об.). Часто эти известия в агитационных целях переводились на «татарский» язык «для доставления бунтовщикам» (л. 127 об.). Распространению же сообщения о захвате руководителя восстания придавалось особое значение. Об этом многократно и назойливо напоминали народу. И долго еще «продолжалась рассылка в слободы уведомлений о поимке вора» (л. 150 об.).

Этими записями завершается вторая часть «Журнала».

* * *

Третья часть «Журнала», имеющая тот же заголовок, что и вторая, велась в период подавления правительством Екатерины II крестьянской войны — с 1 октября 1774 г. по 31 марта 1775 г. Этой частью заканчивается наша рукопись.

В отличие от первых двух частей, написанных набело, третья часть представляет собой черновик, написанный двумя крупными канцелярскими почерками, местами довольно небрежно (помарки, зачеркивание, написанное по стертому и т. п.). Записи сделаны на 45 неразграфленных листах (лл. 153—198; л. 182 — чистый), имеют обильную правку преимущественно стилистического характера, хотя в отдельных случаях уточняется и содержание записей. Судя по почеркам, правка черновика делалась разными лицами.

Записи в третьей части «Журнала» были начаты в тот период, когда весть о «поимке» Пугачева уже широко распространилась по всему Екатеринбургскому краю. С разгромом основных сил Пугачева и его арестом у правительства открылись широкие возможности для окончательного подавления восстания в Башкирии и на Урале. Так, запись от 2 октября 1774 г. свидетельствует о намерении главнокомандующего П. И. Панина «отрядить в Башкирь» значительные силы: «три гусарские полка, два пикинерных и всех казаков» (л. 153 об.).

Екатеринбургские власти и в этот период не чувствовали себя спокойно. В приведенной выше записи от 2 октября о намерении Панина послать в Башкирию новые подкрепления, над фразой «...а посему останется воровское стремление в русские пределы» другой рукой сверху приписано: «только чрез одно Екатеринбургское ведомство» (л. 153 об.).

С мест все еще поступали тревожные известия о «непослушании крестьян», о том, что «крестьяне не идут в работы» (л. 163). Пермская канцелярия сообщала, что «вор Тулвинской башкирец батырка Иткинин с старшиною, бывшим у злодея Пугачева, <...> делает в башкирцах возмущение и приглашает собираться» (л. 159).

В этой части «Журнала» часто встречаются распоряжения властей о принимаемых ими мерах предосторожности, о вы-

ставлении пикетов «для удержания башкирцев» (л. 154) и т. п. Не уверенные в окончательной победе над восставшими, местные власти не исключают возможности военных действий в зимних условиях, готовят для воинских команд лыжи и другое снаряжение (л. 157).

Жестокая карательная политика царских властей по отношению к «инородческому» населению, кровавые расправы, чинимые над ним, дополнялись мерами демагогического характера. В «Журнале» записываются распоряжения о том, чтобы «делать иноверцам, приходящим в раскаяние, вспоможение» (л. 160), «приводить в спокойство ласкою» (л. 168), отвращать их от «развратных мыслей» (л. 186 об.). Отмечаются также случаи принудительного обращения мусульманского населения в христианство. Так, «захваченный посланной за поиском воров командою 15-летний мещеряк, содержась под караулом, принял веру греческого исповедания и назван Алексеем» (л. 181); несколько позже принял «веру греческого исповедания захваченной башкирец Ахбя, названной по крещении Александром Петровым» (л. 185 об.).

Число являвшихся «с повинной» башкир резко увеличилось к декабрю 1774 г., после поражения и ареста Салавата Юлаева. Для «приводу башкирцев к Урану (корану? — В. Л.)» была составлена специальная форма присяги (л. 174).

Записи о стычках с «башкирцами» продолжают до конца «Журнала», но они встречаются все реже. Эти мелкие столкновения уже не имели решающего значения и не могли изменить хода событий. Количество караулов «в соседних с башкирскими селениями русских деревнях» уменьшается (л. 174), снимаются пикеты, начинается разоружение «казаков из крестьян» (у них отнимали не только казенные, но и собственные ружья) и роспуск их по домам (л. 170 об.). Ведомствам возвращаются люди, пушки, военное снаряжение. После специального распоряжения Военной коллегии, полученного 27 марта 1775 г., В. Бибиков должен был «исправляться здешнею командою», отпустив все остальные (л. 198).

Хозяйственная деятельность екатеринбургской администрации в этот период направлена главным образом на восстановление разрушенных и сожженных пугачевцами заводов. Для этого необходимо было сначала «осмотреть раззорение», «описать» состояние заводского хозяйства (л. 168). «Описания» эти требовалось представлять в Берг-коллегию (л. 190 об.).

Разоренное и терроризированное насилиями карателей население вновь возвращалось «к работам» и прежним поборам, хотя иногда и делались предупреждения местным канцеляриям «запретить с жестокостью и мученьем поступать при взыскании подушных денег» (л. 178).

Несмотря на то, что крестьянская война уже была в основном подавлена, а Пугачев и его сподвижники казнены, волне-

ние народных масс продолжалось еще долгое время, и местные власти долго не чувствовали себя вполне уверенно и спокойно. Слухи о том, что Пугачев жив и вновь собирает войско, будоражили народ. 28 февраля 1775 г. из Екатеринбурга доносили П. И. Панину о том, что «башкирец Ибекан Исергаев сказывал слышанные им разговоры старого башкирца Бактыш с другим, будто б Пугачев идет с командою. А посему и прошено, чтоб для прикрытия здешнего ведомства к весне определить команду» (л. 191 об.). Этого Ибекана Исергаева затем отправили к исетскому воеводе Лазареву «для исследования дела и дабы зачинщиков толь злых разглашений сыскать» (л. 192). Но подобные слухи продолжали распространяться.

Последняя запись, сделанная в третьей части «Журнала», датирована 31 марта 1775 г. Она касается малозначительного факта: «К штык-юнкеру Медведчикову приказано дать капитану Костину для охранения денежного каравана три малокалиберные пушки» (л. 198 об.). Далее записи прерываются.

Этим мы заканчиваем наше описание «Журнала полковника Василия Бибикова».

Сделанное нами обозрение рукописи, как нам представляется, показывает, что данный источник содержит ряд интересных сведений, относящихся к истории одного из крупнейших народных восстаний в России.

Л. К. БУРЬЯН

ОБЗОР ПЕЧАТНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Эпоха реформ 60-х гг. 19 в. вызвала необходимость реорганизации архивного дела в России. Инициатором реорганизации архивного дела на местах был Н. В. Калачов — управляющий Московским архивом Министерства юстиции. Он стал первым директором организованного им Петербургского археологического института, который должен был готовить кадры архивистов и руководить деятельностью архивных учреждений. Губернские архивные комиссии обязаны были ежегодно посылать институту отчеты о своей работе с тем, чтобы он докладывал об этих материалах Академии наук и публиковал основные сведения из этих отчетов в археографических изданиях.

В 1884 г. был утвержден подготовленный Калачовым правительственный указ «Положение о губернских исторических архивных комиссиях»¹. Созданные в ряде городов для упорядочения архивного дела на местах губернские архивные комиссии носили полуофициальный характер, были чем-то средним между правительственным учреждением и общественной организацией. Члены комиссий не имели права доступа во все архивы и права ознакомления со всеми делами в них. Комиссии состояли из представителей верхов губернского чиновничества и местной дворянско-буржуазной интеллигенции с «непременным попечителем» в лице губернатора. В материальном отношении они были предоставлены самим себе: государство не обеспечивало их ни бюджетом, ни помещением, ни штатами. Впоследствии, в 1908 г., была предпринята попытка улучшить главным образом материальное положение архивных учреждений, был выработан «Проект нового положения о губернских ученых архиво-археологических комиссиях».

¹ Впоследствии, в 1910 г., отмечая 25-летие со дня смерти Калачова, Саратовская ученая архивная комиссия посвятила его памяти 27-й выпуск «Трудов». В этом выпуске напечатаны различные материалы о Калачове, в том числе перечень наиболее интересных дел из «калачовского фонда» и книг из его библиотеки, которые приобрела Саратовская ученая архивная комиссия.

Предварительно для сбора сведений о состоянии архивного дела на местах по губерниям были разосланы анкеты от имени Московского археологического общества. В этой работе принимал участие управляющий Московским архивом Министерства юстиции Д. Я. Самоквасов, надевшийся на продолжение начатого Калачовым улучшения архивного дела на местах. Впоследствии он использовал собранные анкетные данные в своей работе «Архивное дело в России». Полученные с помощью анкет материалы должны были явиться аргументацией необходимости создания нового Положения об архивных комиссиях. И хотя они действительно говорили о бедственном положении архивного дела в России, реорганизации в нем не последовало.

Основной задачей комиссий было извлечение наиболее важных материалов из архивов местных учреждений, предназначенных к уничтожению. Отобранные документы различной ценности, часто разрозненные и случайные, занесенные в специальные описи, поступали на хранение в создаваемые местные исторические архивы. Кроме этого, комиссии предпринимали археологические обследования и раскопки, собирали вещественные памятники и книги для создаваемых при них музеев и библиотек, занимались научно-издательской, просветительской, картографической деятельностью и т. д. Объем работы, проделанной ими за время их существования, был различным (Саратовская комиссия из существовавших сорока была одной из старейших).

Комиссии очень нуждались в методической помощи в виде единых правил, инструкций и т. п. Но не получая такой помощи, некоторые из них, в том числе саратовская, пытаясь добиться ясности в вопросах архивоведения, печатали некоторые материалы по этим проблемам на страницах своих изданий. В связи с этим в статье «Губернские ученые архивные комиссии» В. Н. Сторожев писал: «Саратовской комиссии принадлежит заслуга резкой постановки вопроса об архивном деле»¹.

Губернские архивные комиссии не могли справиться с возложенными на них задачами, их деятельность страдала многими серьезными недостатками. Отсутствие научного подхода к отбору материалов, уничтожение большого количества архивных документов в силу неподготовленности и реакционности членов комиссий, дух верноподданничества, пронизывающий всю их деятельность, и т. д. — все это отмечалось и советскими и дореволюционными исследователями². Однако гу-

¹ «Историческое обозрение», 1891, т. 2, стр. 208.

² См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., «Наука», 1965 (глава «Литература о деятельности ученых архивных комиссий», стр. 153—158); Советская историческая энциклопедия, т. IV. М., «Советская энциклопедия», 1963 («Губернские ученые архивные комиссии», стр. 872).

бернские архивные комиссии оставили ценное наследие. Некоторые члены комиссий, прогрессивно настроенные энтузиасты-краеведы много потрудились над изучением своего края в историческом, археологическом и этнографическом отношении. И хотя историческая наука на местах по сравнению с общерусской имела более выраженную консервативно-дворянскую направленность и более низкий научный уровень, работы отдельных местных историков не утратили своей ценности до сих пор.

Учитывая заслуги губернских архивных комиссий в накоплении материалов по местной истории, О. И. Шведова в своей статье «Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий»¹ высказывает мысль о необходимости изучения и пересмотра этих материалов.

В данной обзорной статье мы хотели бы указать на те, довольно немногочисленные, особенно в отношении оценки печатных изданий СУАК², материалы, включая персоналии ее сотрудников, указатели к ее «Трудам», которые можно использовать для изучения ее деятельности.

После утверждения «Положения о губернских исторических архивных комиссиях» саратовские краеведы ходатайствовали перед министерствами народного просвещения и внутренних дел об открытии в Саратове историко-археологического общества, но эта просьба не нашла сочувствия в Петербурге. В результате многочисленных ходатайств перед различными лицами и учреждениями было разрешено открыть Саратовскую ученую архивную комиссию с историческим архивом при ней. Е. Д. Харитонов писал, что «вместо независимого общества было разрешено открыть не то общественное, не то официальное учреждение — архивную комиссию»³. Открытие состоялось 12 декабря 1886 г. Почти на всем протяжении своего существования Комиссия находилась в тяжелом материальном положении. Об этом говорилось во всех исследованиях о деятельности СУАК, во многих печатных и устных выступлениях ее представителей. О том, что постоянно «касса пуста», писал в одной из своих статей⁴ саратовский журналист В. Юрьев, поместивший в местных газетах много заметок о СУАК. Свидетельством того, в каком положении находилась Комиссия, служит, например, небольшое газетное сообщение об отказе сессии губернского земского собрания в пособии ей в размере 300 рублей и о том, что упоминание о ее задолжен-

¹ См.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1958, стр. 377—437.

² Саратовская ученая архивная комиссия.

³ «Волга», 1911, № 266.

⁴ В. Юрьев. 25-летие архивной комиссии — «Саратовский листок», 1911, № 278, стр. 3.

ности в сумме 200 рублей земской типографии вызвало «среды гласных смех»¹. Комментируя этот отказ, член комиссии Ф. Духовников в статье «Саратовская комиссия перед судом саратовского губернского земского собрания» указывает на непонимание значения СУАК, хотя, как он отмечает, «стоит просмотреть несколько томов «Сборника статистических сведений по Саратовской губернии», чтобы убедиться, как широко пользовался, где нужно, трудами архивной комиссии статистический отдел губернского земства»².

О материальных трудностях говорил в выступлении на Первом съезде представителей губернских ученых архивных комиссий хранитель исторического музея СУАК А. А. Гераклитов³. Из-за полного отсутствия средств Комиссия не выпускала свои «Труды» в течение ряда лет, а за 1895—1903 годы вышло только два выпуска.

Комиссия ставила перед собой задачу как можно больше собрать материала по истории нашего края. Те проблемы, которые должны были особенно привлекать ее внимание, перечислены в статье С. С. Краснодубровского «Наши архивные комиссии»⁴. Комиссия считала, что она «...накапливает ценный материал для науки»⁵.

Для разыскания материалов, касающихся Саратовского края, Комиссия обращалась к фондам некоторых местных и центральных архивов. Она занималась разбором нескольких десятков архивов Саратова и губернии; за СУАК был закреплен разбор архива Донской казенной палаты; получила она документы и из других мест⁶.

История СУАК, содержание ее работы во всех аспектах представлены на страницах ее «Трудов», где печатались всевозможные отчеты, протоколы заседаний, материалы о различных сторонах ее деятельности. В связи с ее 25-летием было издано два юбилейных сборника, в которых довольно всесторонне отражена история СУАК за 1886—1911 гг. Большой сборник «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии...» состоит из двух разделов. Первый раздел («Исторический очерк») составлен В. П. Соколовым. 12-я глава очерка по-

¹ «Саратовский дневник», 1895, № 30, стр. 2.

² «Саратовский листок», 1895, № 40, стр. 2.

³ См.: Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, СПб, 1914, стр. 47—48.

⁴ См.: Труды СУАК, 1888, т. I, стр. 15—39.

⁵ «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии». 1886 12/XII—1911 г. Исторический очерк. Сост. В. Н. Соколов, Н. Ф. Хованский. Саратов, 1911, стр. 164.

⁶ См.: А. А. Гераклитов. Архивы Саратовской губернии. Саратов, 1913; то же — Труды СУАК, т. 30, стр. 3—32; А. А. Гераклитов. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях. Саратов, 1915. 15 стр.; то же — Труды СУАК, т. 32, стр. 57—71.

священа научно-издательской работе Комиссии. В ней перечислены в хронологическом порядке статьи, помещенные в «Трудах», и названы отдельные издания Комиссии. К наиболее важным работам, с точки зрения автора, даны краткие аннотации. Второй раздел, составленный Н. Ф. Хованским,—краткие биографии некоторых членов комиссии с указанием их наиболее крупных печатных работ.

Второй юбилейный сборник «Празднование 25-летнего юбилея Саратовской Ученой Архивной Комиссии» (Саратов, 1912, 59 стр.), выпущенный после юбилея, представляет собой описание самого торжества.

Директора Петербургского археологического института И. Е. Андреевский, затем А. Н. Труворов в своих отчетах для Академии наук, сделанных на основе отчетов губернских архивных комиссий, упоминают о работе СУАК, высказывая иногда свои суждения о ней¹. Так, присоединяясь к мнению председателя СУАК князя Голицына, Труворов говорил: «...нельзя не пожалеть, что гг. члены комиссии увлекаются желанием поспешить оповещением ... деяния людей, не отошедших еще в вечность, по злоупотребления которых крепостным правом сохранились в архивных делах...» Он имел в виду намерение СУАК напечатать работы В. И. Дурасова «Из истории крепостного права в Саратовской губернии» и Н. Ф. Иванова «Описание дел Петровского уездного полицейского управления». А по поводу запроса СУАК об археологических раскопках в Увеке Труворов сказал, что для этого нужен «...второй Шлиман»². Отчетные материалы СУАК за последующие два года Труворов использовал в последующем выступлении³.

Сведения о положении дел в СУАК, полученные с помощью отчетов комиссии и анкетирования, о котором речь шла выше, приведены в работе Д. Я. Самоквасова⁴. Обстоятельным источником для выяснения роли СУАК в изучении истории местного края являются историографические главы книги А. А. Гераклитова⁵.

Некоторые замечания о работе СУАК содержатся в статье советского архивоведа Н. В. Бржостовской «Деятельность гу-

¹ См.: И. Е. Андреевский. Ученые архивные комиссии в 1886—1889 г.—Вестник археологии и истории, 1892, вып. 9, стр. 12—13.

² А. Н. Труворов. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1890-й год. СПб, 1891, стр. 12—17; то же.—«Русский архив», 1891, № 12, стр. 591—595.

³ См.: А. Н. Труворов. Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1892—1893 год. СПб, 1895, стр. 31—41.

⁴ См.: «Архивное дело в России». М., 1902, кн. 1, стр. 23—44; кн. 2, стр. 93—95, 172—173; дополнения, стр. XVII—XVIII.

⁵ См.: А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923, стр. 30—32, 38—54.

бернских архивных комиссий по созданию исторических архивов»¹.

Попытка кратко подытожить результаты деятельности местных историков, в том числе саратовских членов СУАК, по разработке краевой истории, сделана в «Очерках истории исторической науки в СССР»².

В местной печати, главным образом в газетах «Саратовский листок», «Саратовский дневник», «Волга», представители интеллигенции выступали со статьями, посвященными различным сторонам деятельности СУАК, с критическими замечаниями и одобрением в ее адрес. Много опубликовано заметок информационного характера. Все они содержат различные сведения о работе СУАК в целом, об отдельных сотрудниках Комиссии и их трудах.

В плане широкого ознакомления с различными сторонами деятельности Комиссии написана статья размером в два подвала сотрудником газеты «Саратовский дневник» писателем-демократом И. А. Саловым (подписанная «S. R.»). Салов посвящает читателей в трудности, испытываемые Комиссией, при отборе дел для исторического архива. Он пишет, что председатель Комиссии Тилло считает, что «...совсем не желательно, чтобы архив Комиссии отличался от других архивов «...характером содержимого». Автор, на основании постоянного ознакомления с делами Комиссии, пришел к заключению, что «свои протоколы Комиссия ведет умно и умело; редактируются они отлично»³. Действительно, протоколы заседаний Комиссии, публиковавшиеся в ее «Трудах», давали интереснейший обзор всех сторон ее деятельности.

В другой обширной статье автор ее Духовников указывает на отсутствие в годичном отчете Комиссии, составленном Медоксом, данных о многих статьях, помещенных ее членами в местных газетах, и сам частично восполняет этот пробел⁴.

В одной из информационных заметок⁵ сообщалось, что СУАК заручилась согласием известных археологов профессоров Синицына, Городцова, Самоквасова давать отзывы о посылаемых им археологических находках.

Отзывы на «Труды» СУАК, появившиеся в дореволюционной печати, представляют собой, как правило, небольшие по объему заметки, в которых констатировался факт опубликования какого-то тома «Трудов» и затем давался перечень на-

¹ См.: Труды Моск. гос. историко-архивного института, т. 5, 1954, стр. 89, 92, 104.

² См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., Изд-во Акад. наук СССР, т. II, 1955, стр. 652; т. III, стр. 517, 610.

³ «Саратовский дневник», 1887, № 100, стр. 2; № 101, стр. 2.

⁴ См.: Ф. Духовников. Саратовская архивная комиссия в 1892/3 гг. (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1892/3 год). — «Саратовский листок», 1894, № 128, 18 июня, стр. 1.

⁵ См.: «Приволжская правда», 1911, № 7.

печатанных в нем материалов с краткими, весьма поверхностными комментариями.

Член общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете А. И. Соколов поместил небольшой отзыв на второй и третий тома «Трудов» и «Саратовский исторический сборник», изданный Саратовской ученой архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова¹. Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов дал небольшой отзыв на первый выпуск четвертого тома «Трудов».

Сообщение о втором выпуске второго тома «Трудов» поместил «Журнал Министерства народного образования»².

Замечания на XXI том «Трудов» даны в статье Д. Ф. Рудакова «Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий»³.

Казанский лингвист Н. М. Петровский в статье «По поводу XXIV выпуска «Трудов Саратовской ученой архивной комиссии» касается только четырех работ М. Е. Соколова о фольклоре Саратовской губернии, относя их «к числу интереснейших публикаций остатков народного эпоса не северо-русского»⁴.

Краткую рецензию «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», 1908 год. Выпуск XXIV» написал В. Е. Рудаков⁵.

В двадцать шестом выпуске «Трудов» СУАК (отдел II, стр. 47—51) имеется раздел «Отзывы о 25-м выпуске «Трудов». Здесь перепечатаны отзывы из четырех периодических изданий с указанием их номеров и года выпуска: заметки из «Русской старины» и «Журнала Министерства народного просвещения», из «Исторического вестника» (В. Е. Рудакова) и из болгарского журнала «Родопски напръдък», где отмечена работа И. Е. Соколова «Былины, предания и песни, записанные в Саратовской губернии».

О двадцать седьмом выпуске «Трудов» помещено сообщение в газете «Волга» (№ 103 за 1911 г.).

Отзыв на двадцать восьмой том «Трудов» имеется в статье В. П. Юрьева «Наши архивисты»⁶; его же большая заметка посвящена тридцатому выпуску «Трудов»⁷.

С 1886 года, с года открытия, СУАК издает свои труды: семь выпусков их вышли под названием «Протоколы общих собраний Саратовской ученой архивной комиссии». С 1888 года они выходят под названием «Труды Саратовской ученой ар-

¹ См.: Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. II, 1893, вып. I, стр. 89—90; вып. 4, стр. 407—408.

² 1890, март (раздел «Книжные новости», стр. 474).

³ См.: «Исторический вестник», 1899, т. 76, № 6, стр. 940—941, 948—949.

⁴ «Русский филологический вестник», 1909, т. 61, стр. 136—140.

⁵ См.: «Исторический вестник», 1909, т. 116, апрель—июнь, стр. 343—344.

⁶ См.: «Саратовский листок», 1911, № 247, стр. 2.

⁷ См.: «Саратовский вестник», 1914, № 11.

живной комиссии». Определенной периодичности в выпуске «Трудов» не было. Сначала издавалось несколько выпусков в год. С 1896 года изменилась нумерация «Трудов» и они стали издаваться один раз в год. В 1891—1892, 1895, 1897, 1899—1901, 1904—1907 гг. «Труды» не выходили. В эти годы Комиссия выпустила некоторые отдельные издания, главным образом кое-что из того, что было напечатано в «Трудах» раньше¹. В. Н. Сторожев в статье, которая упоминалась выше, писал о «Трудах СУАК», что они издаются «очень опрятно, но без определенного плана».

Всего СУАК за 1886—1916 гг. было издано 33 выпуска «Протоколов» и «Трудов». В 1923 г. был издан XXXIV выпуск, но уже Обществом истории, археологии и этнографии, в которое СУАК была преобразована в 1919 г.

Следует отметить, что существует выпуск, который не упоминается в перечнях «Трудов» СУАК. Это четвертый выпуск четвертого тома за 1895 год. Этот выпуск представляет собой первоначальный вариант двадцатого выпуска, вышедшего в следующем 1896 г. В протоколе заседания СУАК говорится, что «...IV в. IV т. по некоторым причинам не рассылается». Этими причинами, вероятнее всего, были допущенные в нем ошибки. При сравнении этих выпусков можно заметить, что неправильно указаны фамилии авторов в нескольких случаях, а несколько статей одного автора при перепечатке их в двадцатом выпуске объединены в одну.

В «Протоколах» до четвертого выпуска печатались только официальные материалы, связанные с функционированием Комиссии: отчеты, протоколы. В четвертом выпуске «Протоколов» был напечатан реферат М. В. Готовицкого «О значении названия «Саратов», а в шестом выпуске — замечания на него директора института восточных языков Министерства иностранных дел М. А. Гамазова и востоковеда А. Баязитова².

Содержание всех 7 выпусков «Протоколов» напечатано в последнем выпуске их.

Комиссия периодически печатала в «Трудах» указатели содержания к вышедшим выпускам.

«Перечень «Трудов» Саратовской Ученой Архивной Комиссии 1886—1902 гг. и оглавления выпусков» (22-х вышедших выпусков) напечатан в конце двадцать третьего тома (стр. I—X).

Перечень статей 28 выпусков имеется в статье В. П. Соколова «Научно-издательская деятельность Комиссии», помещенной в сборнике «25-летие...» (стр. 132—159).

¹ См.: О. И. Шведова. Указатель трудов губернских..., стр. 411—412; В. П. Соколов. Научно-издательская деятельность Саратовской комиссии. — В кн.: «25-летие...», стр. 130—164.

² См.: Протоколы VI общего собрания 7 декабря 1887 года. Саратов, 1888 (Приложения, стр. 1, 2—5).

Перечень статей, напечатанных в 26—30-м выпусках за 1910—1913 гг., можно найти в рекламном листке «Имеющиеся в продаже издания Саратовской Ученой Архивной Комиссии» в конце 31-го тома «Трудов» (после оглавления).

Все эти указатели содержат перечень статей, опубликованных в «Трудах», в хронологическом порядке выхода томов.

«Алфавитный указатель статей и авторов, помещавших свои статьи и заметки в «Трудах» Саратовской Ученой Архивной Комиссии с 1887 по 1903 гг.», составленный А. А. Кротковым, дан в двадцать четвертом выпуске «Трудов» за 1908 год (стр. 55—66).

«Краткие биографии некоторых членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии за 25 лет ее существования» (составитель Н. Ф. Хованский) опубликованы в конце сборника «25-летие...» (стр. 3—35); здесь же указаны и печатные работы их.

Биографические сведения о некоторых членах СУАК, сведения об их трудах и рецензиях на них можно найти в одной из самых ценных библиографий, напечатанной в «Трудах» СУАК (выпуски 30, 32, 33) — «Саратовцы-писатели и ученые». (Материалы для био-библиографического словаря). К сожалению, второй том словаря не был издан и он кончается буквой «О». Благодаря тому, что составитель его С. Д. Соколов был членом СУАК, многие его коллеги по Комиссии оказались включенными в словарь.

В вышеназванной работе О. И. Шведовой (стр. 409—412) дано описание изданий СУАК: перечислены выпуски «Трудов», названы основные отдельные издания ее.

Разыскание материалов по истории Саратовской ученой архивной комиссии, связанное с работой над периодическими изданиями, часто отсутствующими в книгохранилищах Саратова, — занятие довольно трудоемкое; поэтому их перечень в данной статье не является полным.

А. Г. СМИРНОВ

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО АВТОГРАФА

Среди особо редких книг Научной библиотеки СГУ хранятся три тома журнала революционных народников «Вперед», который издавался П. Л. Лавровым и его группой в 1873—1877 годах в Цюрихе, а затем в Лондоне. По мысли издателей, этот орган должен был объединить русских революционеров для борьбы с самодержавием и выработки революционной теории и тактики. Вместе с тем на его страницах печатались и другие материалы, запрещенные царской цензурой. Здесь впервые увидели свет знаменитая речь Петра Алексеева на судебном процессе 50 московских пропагандистов и работа Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса». Народнический журнал переправлялся через границу и распространялся в России нелегально. Поэтому он уже тогда представлял большую библиографическую редкость. А теперь, спустя почти сто лет после выхода в свет первого тома, его можно встретить лишь в крупнейших книгохранилищах страны. И когда такая книга попадает в руки, с волнением задаешь вопрос, кто же быть первым ее владельцем.

Исследуя историю появления этого издания революционных народников в фондах Научной библиотеки СГУ, мы обнаружили на шмуцтитуле первого тома дарственную надпись:

«Петру Александровичу Ефремову

Сию нецензурно-библиографическую редкость усерднейше преподносит на добрую память Дм. Сильчевский. СПб, 16 апреля 1874 г.».

Книга вышла в конце 1873 года в Цюрихе, а уже в начале следующего года в Петербурге Сильчевский ставит на ней свой автограф. Значит, он был первым или одним из первых ее владельцев. Об этом же свидетельствуют и инициалы «Д. С.», тисненные золотом на корешке переплета. Кто же таков Сильчевский и адресат, которому предназначался его дар, и каковы их взаимоотношения, позволявшие обмениваться нелегальной литературой?

Дмитрий Петрович Сильчевский (1851—1919), библиограф и журналист по специальности, сотрудничал в ряде журналов и газет, был одним из составителей и редакторов «Дополнений к Настольному энциклопедическому словарю» Толля. Помимо библиографической деятельности, Сильчевский известен и как профессиональный революционер. Свыше 20 лет провел он в ссылках. Его первый арест и ссылка связаны с делом III отделения «О клубе художников и закрытии его по высочайшему повелению». В одном из документов этого дела от 4 февраля 1877 года говорится: «Вчера в клубе художников, перед окончанием художественно-музыкального вечера, данного в пользу студентов акушерских курсов, в комнате, смежной с буфетом, где студенты пели песни, был разговор о последних стихах, написанных Некрасовым и напечатанных в «Голосе», «Новом времени» и «Отечественных записках». (Речь идет о произведениях из цикла «Последние песни», в частности о стихотворении «Скоро стану добычею тления...»—А. С.). И так как в стихах этих Некрасовым высказывалось сожаление о том, что с его смертью он будет забыт, то несколько студентов, толковавших об этом (человек двадцать-тридцать), стали говорить, что Некрасов несправедливо думает и что народ будет его помнить, как лучшего поэта. Бывший при этом дворянин Сильчевский, занимающийся в редакциях «Неделя», «Биржевые ведомости» и «Русская старина», сказал, что следовало бы составить адрес, а при этом прочел проект такого адреса, написанного карандашом. В этой рукописи, весьма краткой, было сказано, что народ не забудет творчества Некрасова и что он будет вечно в народной памяти. Проект этот одобрили ведущие разговор о Некрасове и захотели подписать его, для чего и был взят лист бумаги, на котором стали подписываться...»¹.

Царское правительство усмотрело в этом крамолу. Клуб художников 10 февраля того же года был закрыт, а Сильчевский, как инициатор адреса поэту Некрасову, арестован и сослан в Олонецкую губернию, откуда возвратился лишь в январе 1881 года благодаря ходатайству М. Е. Салтыкова-Щедрина, которого просил об этом близкий друг Сильчевского известный библиограф и библиофил П. А. Ефремов.

Дружба Сильчевского с Ефремовым началась еще в сентябре 1873 года. В то время Сильчевский, собирая и редактируя материалы для «Дополнений к Настольному энциклопедическому словарю» Толля, обратился к Ефремову за биографическими данными о нем. Старый библиограф не только дал необходимые сведения о себе, но и любезно предложил свою помощь по составлению «Словаря». «Я очень обрадовался такому предложению, — писал после Сильчевский. — Тогда я был еще

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. [М.—Л.], Гослитиздат, 1957, стр. 348—349.

очень молод (мне шел 23-й год) и еще очень неопытен в деле библиографии и в историко-литературных разысканиях. Богатейшие и неоценимые коллекции библиотеки П. А. Ефремова явились для меня настоящим кладом, неисчерпаемым кладезем, откуда я, с его просвещенной помощью, и черпал многое множество фактов... Еженедельно я приходил к Ефремову, и мы засиживались с ним до часу и двух ночи, перебирая его «папки», в которых в алфавитном порядке сохранялись всевозможные вырезанные из массы журналов и газет (старых и новых) статьи и всякого рода данные о писателях. Целыми грудами этих драгоценных материалов снабжал меня Ефремов на дом для их использования. Понятно, как я ему был благодарен... Ефремов был чрезвычайно добрым и отзывчивым к людям, попавшим в беду,—писал далее Сильчевский.—Когда я сидел (с мая 1876) в Доме предварительного заключения по делу о революционной пропаганде, Ефремов неустанно снабжал меня книгами и передавал мои историко-литературные работы в «Словарь» Толля и в «Русскую старину». Он же (вместе с Н. А. Некрасовым, лично знавшим тогдашнего шефа жандармов), пользуясь своими связями и знакомствами, выхлопотал высочайшее повеление о моем освобождении (с отдачей лишь под гласный надзор полиции), которое и состоялось 13 ноября 1876 г. Когда (уже по другому политическому делу) меня в феврале 1877 г. административно ссылали в Олонецкую губернию, Ефремов снова принял деятельное участие в моей беде и много помог мне, как тогда, так и после, в долгие годы четырех ссылок, тянувшихся до 1898 г... В этом отношении я всегда буду вспоминать о нем с живейшей признательностью...»¹.

В знак безграничной признательности за отеческое к себе отношение Сильчевский и подарил драгоценную книгу замечательному русскому библиофилу. Дальнейшая судьба книги сложилась следующим образом. После смерти Ефремова наследники распродали его богатейшую библиотеку по частям. К. Н. Михайлов, один из современников Ефремова, с сожалением говорил, что «вся библиотека П. А. Ефремова рассеялась по миру...»². Именно в этот момент некоторые редкие книги, в том числе и журнал «Вперед», были приобретены другим не менее знаменитым русским книголюбом, профессором Петербургского университета И. А. Шляпкиным, собравшим уникальную библиотеку гуманитарного профиля, в которой насчитывалось более 70 тысяч книг. Желая помочь молодому Саратовскому университету, Шляпкин завещал ему свое книжное собрание как основу для оборудования библиотеки

¹ Д. П. Сильчевский. П. А. Ефремов. Некрологическая заметка.— «Минувшие годы», 1908, январь, стр. 292—293.

² К. Н. Михайлов. На редакционном приеме у С. Н. Шубинского.— «Исторический вестник», 1913, декабрь, стр. 1015.

вновь открываемого историко-филологического факультета. В 1918 году воля завещателя была выполнена. Университет оказался обладателем прекрасной библиотеки, включавшей в себя много рукописей и таких редких книг, как нелегальный журнал революционных народников «Вперед».

Ф. В. ГЕРМАШЕВА

**ЧЕТЫРЕ ИЗДАНИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕЧАТИ XV—XVI ВЕКОВ
В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ СГУ**

При описании инкунабулов из коллекции западноевропейских изданий XV—XVI веков¹ были обнаружены четыре книги, отождествление которых с указателями вызвало определенные трудности. Пришлось обратиться за консультацией к Н. В. Варбанец (научному сотруднику отдела редкой книги Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), которая сделала на две книги запрос и послала их описание в комиссию по изданию «Сводного каталога» в Берлин, где научным библиотекарем Государственной библиотеки (ГДР) Урсулой Альтман были наведены справки.

Среди этих изданий два инкунабула, из которых один не учтен в библиографии (Hund, Magnus. Codicillum), и два палеотипа, один из которых также не описан (Pontanus, L. Super Codicis). При описании данных изданий были использованы следующие библиографические указатели и монографии:

1. Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Bd. I—VII, VIII, Lief. 1. Leipzig, 1925—1940 (сокращенно: G W).
2. Prince d'Essling. Le livre à figures venitien de la fin du XVIe. Part. 2, t. 2. Paris, 1909 (сокращенно—Essling).
3. O. Günter. Wiegendrucke der Leipzigen Sammlungen... Leipzig, 1909 (сокращенно — Günter).
4. K. Haebler. Typenrepertorium der Wiegendrucke. Abt. I. Halle, 1905 (сокращенно — Haebler.).
5. Catalogue of books printed in the XYth century now in the British Museum. P. I—VIII. London, 1908—1949 (сокращенно — BMC).

Описание книг, отсутствующих в библиографии, дается полное.

¹ См.: Ф. В. Гермашева. Инкунабулы Научной библиотеки Саратовского государственного университета.—Труды Научной библиотеки СГУ, вып. III. Саратов, 1964, стр. 11—18.

Hund, Magnus: Codicillum. P. I. Leipzig: Jakob Thannper. около 1500. 4°. 50 л. Сигнатуры A⁸, B⁶—H⁶. 33—34 строки в наборе. Шрифт: 1 (высота 20 строк 87 мм). 2, (высота 10 строк 82,5 мм). Малые инициалы. Рубрика a. Марка печатника.

Описание данного издания в библиографии нет. Наш экземпляр может быть несколько более поздним или несколько более ранним, чем издание «Codicillum» с датой 7.III.1499 года, указанное у Гюнтера за № 1574.

Лист 1-й, без сигнатуры:

Codicillus proprietates logi|cas termino-
rū, diffici|liū pro|positionum expositiones
continens necnō Regulas cō|sequentiarum
Cum pulcerrimis sōphi|matibus i quibus |
vtilitas paruorum logicalium claret. {tu-
dio s|colaribus |phle veritatem diligenti-
bus q̄3 vtilissimus

Лист 2-й, сигнатура Aij:

Orbis pacator. domitor tu magne ferarum
Principio faueas medio q̄3 cohereat ymum

Лист 9-й, сигнатура Ba (4-я строка сверху):

Speciales de suppositōne terminorum |re-
gule p̄positionū prēgnantium et diffi|cili-
um. et primo p̄pōsicōis de comparatino

Лист 20-й, сигнатура C₆. В конце листа:

Tractatus secundus de Expositione ppo
fitionum difficilium

Лист 47 b, сигнатура Hiiij, 11-я строка сверху:

ne subtus signati aut oppsito. et latus
folii numero filla/be ostendet. Sequi-
tur Remifforum.

Лист 48-й сигнатура H₄: De A

Лист 49 b, сигнатура H₅: Hexa stichon ad Lectorem.

Перед маркой печатника:

Et tantū de puiis logicalibus seq|tur secū-
da pars codicilli de sophi|matib⁹ in qua
pualogicalia ap|plicantur vt clarins ip-
forum vti|litas pateat

Марка печатника 34×34.

Лист 50-й чистый.

В экземпляре инициалы не нарисованы. Переплет деревян-
ный, с широким из белой кожи корешком с тиснением. Застеж-
ки медные с рисунком. На внутренней стороне верхней крыш-
ки переплета рукописная запись о приобретении книги в Лейп-
циге и стоимости переплета: «Hunc librum utilissimum compa-
ravit Achatius Reundt in alma Lipzensis achademia 1501. Con-
tenent Proprietates logicales. Reparationes veteris et nove logice
Arestotelis. Introligatus ij fl.». Принадлежность к имеющимся
в библиотеке коллекциям установить не удалось из-за отсут-
ствия особых помет.

Burlaeus, Gualtherus: De vita et moribus philo-
sophorum. [Südliche Niederlande? Drucker der Mensa philo-
sophika (Haine, 11076) um 1486/90]. 4°. 112 л. Сигнатуры
a⁸—o⁸. 31 строка в наборе. Листы 1, 112 чистые. G W, 5792.

В экземпляре нет листов 1, 111, 112. Только один инициал,

на листе 2-м, выполнен черной краской, места для других оставлены пустыми. На полях краткие рукописные пометы разным почерком. Без переплета. На листе 2-м печать библиотеки И. А. Шляпкина.

Pontanus, Ludovicus: Super Codicis. Part 2. Milano: Ioannus Angelus Scinzenzeler (imp. Ioan. Ja. et Fratrum de Lignano). После 1500. 2°. 80 л. Сигнатуры A⁸ B⁶—N⁶. Пагинация римскими цифрами. В два столбца. 73 строки в наборе. Знаки рубрики С и рука. Маргиналии и нумерация параграфов вынесены на поля. Кустоды. Марка печатника.

Лист II, сигнатура Aii:

Clarissimi ⁊ cōsumatissimi iuris vtriusq; in-
terpe|tris laureati. Ludouici pontani ⁊ ro-
ma profunde me|morie uiri. lectura super
sc̄da pte Codicis diligeter ⁊ |accurate ca-
tigata nup impressa. ⁊ deo propitio ad cō-
munem studentium ⁊ indicantium vtilita-
tem nouiter | in lucē edita.

Лист VII, сигнатура B:

C In glo. in ver|bo rōnem ibi | ⁊ iudice pro
tribunali edete ⁊ c. | ⁊ vule| glo. q̄ sit cor-
recta di|positio. liij. §. dies ⁊. §. in bono-
ruj ff. quis or. i bo. poss. seruetur. quod adde
ad ea q̄ dixi. | . §. eal. i. in prin. i additōe
quam feci ad bal. extra glo. | Ludouici de ro-
ma.

Regia cum sup[er]fusa ar[ist]o

155

**Codicillum propter rem logi-
cag terminum. terminum pro
posicionem et posicione continere mentē Regula co-
sequentiārum Cum pulcherrimis sophismatibus iunctus
utilitas paronomalogicalium claret. studio suo scholaribus
philie veritatem diligentibus p[ro]p[ri]et[ati]ssimo**

Ad studiosum philosophie scholarem
Ei quis Aristotelis philum praeim logicarū
A falsis sane et noscere vera cupit
Oedipodis nobosa volens enigmata quisq[ue]
Astuti et fraudes tannere causidici
Rhetoris auspitiū pulcherrima ficta poesis
Doctorumq[ue] sacre discere scripta bene
Deniq[ue] si meras quis vult vitare sophiste
Leucippi errores pitagore et Empedoclis
Hic legat assidua subscriptum mente libellans
Quo facile a veris, cernere falsa queat.

hanc Aristotelis
Centes Perdicis Carmel G.

Consequencie ppom gra superlatiui. g v. col i

¶

De hoc sine cathegoremate totus. d v. col ij

Termini diuifio. e vi. col ij

Terminus defra^s quid est et quomodo h^s inferius. a iij. col i

Exordium

Ad Lectorem

¶ Non te penitet tantes legisse libellos
Ducunt p sepe ad grandia pua viam
Secundere sic natura iubet dnr optima rerum
Eke docuit fieri summus Aristoteles
Non en constiunt ducens abs arte facultas
Et discas logices parua sophista prius

Et tamen de pnis logicalibus seq
tur secunda pars codicilli de sophis
matib^s in qua pualogicalia ap
plicantur vt clarins ipsoium vi
lites pateat

Inscipe libellus de vita et moribus philosopho-
rum et poetarum

De vita et moribus philosophorum veterum
tractaturus multa que ab antiquis aucto-
ribus in dispersis libris de ipsorum gestis
partim scripta repperi in unum colligere lo-
cavit. Plurima quoque etiam responsa notabilia et
dicta elegantia huic libro inseruitque ad legendum
consolationem etiamque informationem conferre valebit.

De tractare philosopho

Capitulum 1.

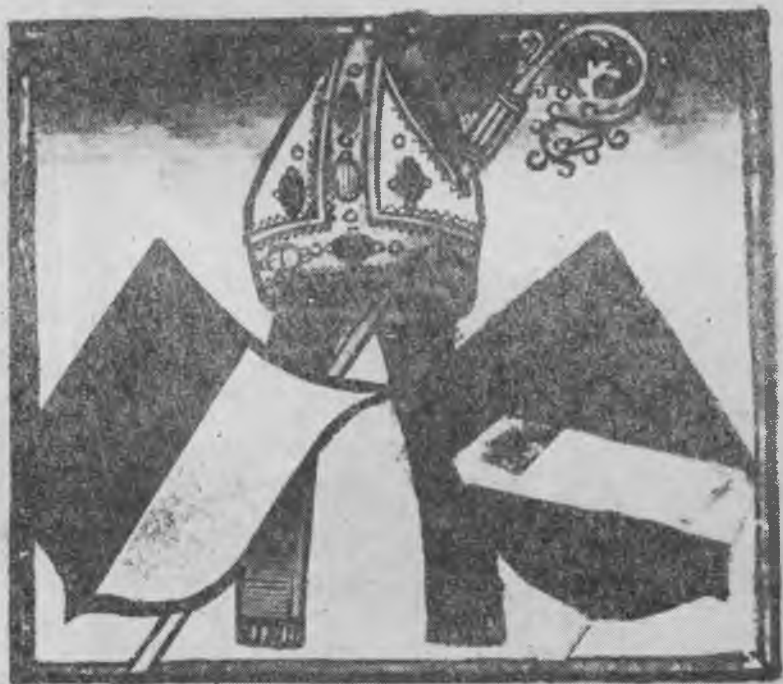
Thales philosophus assyrius ut ait laertius in libro
de vita produm patre epamio matre cleobo-
linater cibus qui sunt pbentes nobilissimi
athensis claruit. Hic primus sapiens appellatus e-
secundum quem et septem sapientes vocati sunt. Hic au-
tem conscriptus claus in illis. Thales milesiodo-
tus e. Hic post politicam naturalem philosophia factus e. Iso-
calator et inventor fuisse artem arithmetice et naturalem
astrologie dicitur. Descripsit autem die conversione et
equinoctiorum et primus inter philosophos dicitur de astralo-
gis tractasse necnon et solares eclipses et veriones
prodit in istis inter et inter philosophos primus dicitur
quibusdam non esse vias immortales et solis ac lu-
ne in equinoctialis fuisse. Primus de natura animae
tautem et loquens quibus tradidit conficere et la-
phi magnos et electo. ab egyptiis geometria ad-
ducit. In politica vero optime consultatus e. Minus
autem in romage fuisse. et herogero cum non du-
cens non et propter suorum amorem. Hic primus
omni equis solis mundum animatus erat et de

**Pars estinalis bñenarij
fm ritū alme ecclesie
Augustensis**

Et si prius hec breuiaria emendate impressa fuerint to-
men christophorus Thuz ciuis Augusten. ad comūes
utilitatem: Adinio rubricis & commodiori magis approba-
to ordine nullis relictis mendis proprijs expensis impūm
mandauit Venetys arte & ingenio Luceantonij de giuntis
Florentini.

Breviarium ecclesiae Augustensis. Лист 1-й оборот.

Explicit aurea lectura eminentissimi ac-
profunde | memorie viri domini Ludouici pon-
tani de Roma. | su | per secunda parte Codicis :
nouissime cum diligenti | z accurata castigati-
one Impressa. additaq; repetitio | ne autentri-
ce similiter ad. l. falcidiam. Impensis nobi |
lium virorum. do. Ioan. Ia. z Fratrum de Ligna-
no | ciuium Mediolanen. | Registrum.

Марка печатника 64×45 (см. ВМС. VI, 13277*).

Издание не описано в библиографии. В экземпляре нет ли-
ста 1-го. В нумерации листов допущена ошибка: лист 57-й обо-
значен как 58-й, лист 59-й—как 60-й. Инициалы не нарисо-
ваны, рубрики не размечены. Переплет картонный, оклеен пер-
гаментными листами из различных рукописей. На книге печать
библиотеки И. А. Шляпкина.

Breviarium ecclesiae Augustensis. Venezia:
Luc'Antonio Giunta, imp. Christophorus Thum. P. 2, pri die Kal.
Mart. (26 febr.), 1506. 8°. 12 нн., 76, 248, 37, 3, 4 нн., 44 нн. Ess-
ling, p. 2, 936.

Лист 1-й: Pars estiuallis breuiarij secundum ritu alme eccle-
sie Augustensis. Марка печатника 37×27. Первый лист и мар-
ка печатника отпечатаны красной краской. Текст напечатан в
две колонки, в два цвета. Гравюра, четыре гравированные
рамки и инициалы раскрашены. Большие []¹⁰ и малые []⁵
инициалы выполнены золотом (за исключением нескольких в
конце книги). Недостает листов: 76 (k₈), 248 (Z₈), 37 (a₅). Ру-
кописные пометы на календаре с датами 1507, 1508, 1510,
1531 годов. Переплет картонный в белой коже. Из библиотеки
И. А. Шляпкина.

28 коп.

28 коп.

